

LS.C

B1945isp

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich
(ed. and tr.)

Испанские народные песни.

Title transliterated:

Ispanskiya narodnuiya pyesni.

Д.Бальмонтъ.

ЛАНСКІЯ
НАРОДНЫЯ
ПѢСНІ.

ЛЮБОВЬ
и НЕНАВИСТЬ

К. Д. Бальмонтъ.

Пасси-Борданс.
Весна-осень.
1911.

К. Бальмонтъ

Bal'mont. Konstantin Dmitrievich
(ed. & tr.)

ИСПАНСКІЯ
НАРОДНЫЯ
ПѢСНИ.

Испанскія народныя пѣсни

ЛЮБОВЬ
и
НЕНАВИСТЬ.

1. Испанецъ—пѣсня.
2. Влюблённость.
3. Мъжности.
4. Ревность.
5. Признания.
6. Сътования.
7. Ненависть и презрение.
8. Серенада.
9. Колыбельные пѣсни.
10. Изъяснительные замѣчанія.

L.S.C
B1945isp

570386
б. 10. 53

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

Испанецъ — пѣсня.

Отъ рѣчи мы требуемъ логики, отъ пѣсни — полета. Рѣчъ есть разумное строительство, пѣсня есть срывъ и безуміе. Неумѣстны въ рѣчи вскрики, въ пѣснѣ хороши всѣ вопли, когда они музыкальны. Взгляните на Испанца, какъ на пѣсню, — вамъ все будетъ понятно въ его нравѣ и въ его фантастической исторіи. У Испанца одна только логика — логика чувства, у него одно лишь построеніе — планъ войны, которая все разрушаетъ, онъ весь въ порывѣ, въ безумыи хотѣнья. Взглянуть, пожелать, побѣжать, схватить. Отмѣтить чужое какъ свое. Завладѣвъ, разметать, и оставаться, какъ прежде, вольнымъ и нищимъ. Одинъ лирическій взмахъ.

Испанскій языкъ — самый пѣвучій и красочный изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ. Змѣино-вкрадчивъ и внезапно-мужествененъ. Женски-лукавъ и рыцарски-прямъ. Сладокъ какъ скрипка и флейта, а вдругъ въ немъ бой барабановъ. Влюбить — и стрѣлы пускаетъ отравленныя. Поцѣлууетъ — и острымъ взмахнетъ лезвіемъ. Такіе есть въ Мексикѣ цвѣты, — къ нимъ нельзя прикоснуться, не обрѣзавшись и не исковоловши.

Въ Испанскомъ языкѣ есть вся напѣвность нѣжной Итальянской рѣчи, но еще въ немъ чувствуется жгучій вѣтеръ, прилетѣвшій изъ Африки, дикий порывъ Араб-

ской стремительности, мѣшающей ему стать изнѣженнымъ и вѣчно напоминающей о битвахъ. Въ немъ есть также дуновенія древнѣйшихъ Иберійскихъ вліяній, уводящія насъ вовсе отъ нашихъ дней — къ алымъ зорямъ и расцвѣтамъ Атлантиды.

Испанецъ не похожъ на Европейца. Въ немъ есть что - то, что дѣлаетъ его совершенно инымъ. Глаза, которые видятъ, руки, которыя берутъ, воистину берутъ. Во всемъ цѣльность и непосредственность прикосновенія. Онъ душой осозаетъ, какъ мы осозаемъ тѣломъ. Словами цѣлуетъ. Плыветъ въ пустынныхъ моряхъ Испанскій корабль, видятъ матросы островъ, женскія лица на немъ, а гдѣ же мужчины? Ихъ нѣтъ, и Испанецъ со смѣхомъ и дѣтски дивясь воскликнулъ: „Mujeres!“ „Женщины!“ Кажется, чтò въ томъ, чтобы такъ воскликнуть? Ничего, и что-то. Ибо вотъ прошли столѣтія, а островъ этотъ такъ и зовется „Женщины“, женскимъ остался онъ островомъ.

Испанцы на насть не похожи. Мнѣ вспоминается одно изъ моихъ путевыхъ впечатлѣній.

Въ зимній день, въ концѣ января, я уѣзжалъ изъ Гамбурга въ Мексику на большомъ океанскомъ кораблѣ „Принцъ Іоахимъ“, общества „Hamburg-Amerika-Linie“. Публика была ультра-европейская. Нѣмцы, еще Нѣмцы и еще Нѣмцы. Итальянскій авантюристъ, Французскій коммерсантъ съ острова Кубы, нѣсколько Англичанокъ съ младенцами, воцарившихся на кораблѣ рѣшительно и импозантно, ибо вѣдь Англія — царица морей, и двое недовольныхъ Русскихъ, изъ которыхъ одинъ — я. Недовольны же мы были потому, что, въ Русской наивности, думали — какъ сядемъ на корабль, такъ и будетъ тамъ все по - особенному, ужъ почти что будемъ въ Мексикѣ. А тутъ самая низкая Европа. И печально алѣло закатное солнце нашего Сѣвера, когда корабль отплывалъ по густо - синему морю, рас-

талкивая пловучія льдини. И вотъ, черезъ сколько-то круговоротностей часовъ, мы заѣхали въ Испанскій портовый городъ Корунью. И сразу—сказка. Сбросивъ съ себя тюремный костюмъ, или что то же—шуба, безъ всякихъ лишнихъ покрышекъ мы бродили по нѣжному цвѣтущему саду, смотрѣли на бѣлые арумы, на пестрыя ромашки, на нѣжную лазурь ирисовъ, на иные цвѣты, золотые и красные. А вечеромъ, когда мы отплыли далѣе, вся первоклассная международная публика забыла о своихъ обычныхъ разговорахъ и, застывші, въ молчаніи смотрѣла и слушала; на палубѣ, тамъ, гдѣ не слишкомъ уютно, огромная толпа Испанскихъ эмигрантовъ предавалась дѣтскому веселью: покидая свою родину, быть-можеть, навсегда, Испанцы, многіе полуоборванные, плясали и пѣли подъ аккомпаниментъ неизбѣжной гитары. И столько было чего-то беззавѣтнаго, безудержнаго въ этихъ коротенькихъ, быстро смѣнявшихся пѣсенкахъ, столько воли было въ этихъ короткихъ энергическихъ вскрикахъ и мѣткихъ насыпкахъ, столько красоты было и нѣжной чувственности въ разнообразныхъ движеніяхъ многоименного, разноликаго Испанскаго танца, что думать о чёмъ-либо иномъ, когда пѣли и плясали Испанцы, было невозможно. Одинъ, ужъ почти что солидный, молодой Нѣмецкій купецъ, перегнувшись черезъ перила лѣсенки, отъ прогулки первоклассниковъ внизъ, долго глядѣлъ на молодую Испанку, долго вызывалъ у ней своею фигурою смѣхъ, наконецъ не вытерпѣлъ и крикнулъ по-испански: „Почему, сеньорита, вы смѣетесь надо мной?“—„Потому что сеньоръ такъ наклонился, что свалится, пожалуй, въ Испанію“, отвѣтила она тотчасъ при общемъ смѣхѣ—и черезъ секунду уже забыла его въ движеніяхъ своей пляски, а его сердце воистину свалилось въ Испанію, какъ тяжесть съ горы, обрадовавшись, что, наконецъ, нашелся узычливый стройный

у́клонъ, на который вступивъ, непремѣнно покатишься внизъ.

Испанцы всѣ свои ощущенія связываютъ съ пѣсней, какъ радостныя, такъ и темноцвѣтныя. Любить—пойтъ, ненавидятъ—поютъ, тоскуютъ—напѣвомъ, цѣлюютъ—созвучьемъ. Какъ говорится въ одной Испанской пѣснѣ:

У меня покорно сердце,
Исполняетъ всѣ вѣнчанья:
„Плачь“, скажу—и сердце плачетъ,
„Пой“, скажу—оно поетъ.

Объ этой общей Испанцамъ склонности претворять свои ощущенія во внезапно рождающуюся пѣсню хорошо говоритъ въ одной изъ своихъ книгъ собиратель Испанскихъ народныхъ пѣсенъ, Франсиско Родригесъ Маринъ: „Въ Испаніи, прежде всего въ области Андалузской, гдѣ, какъ въ Сициліи, *tutto parla di poesia*, поистинѣ изумительна поэтическая плодовитость народа, такъ же какъ необычайная его легкость въ творчествѣ. Города и деревни есть, гдѣ молодежь обоего пола въ веселыхъ ночныхъ собраніяхъ, зимою освѣщенныхъ классической свѣчой, а лѣтомъ серебряной луной, влюбляется, ссорится, бранится, взаимно насмѣхается, въ непрерывной перестрѣлкѣ четырехстрочныхъ пѣсенокъ. Врядъ ли встрѣтится какая-нибудь мысль, для выраженія которой они не нашли бы подходящей пѣсни. Если не знаютъ, импровизируютъ; если импровизация неудачна, она теряется такъ же быстро, какъ смолкаетъ голосъ, который ее пропѣлъ; если же она хороша, если вполнѣ отвѣчаетъ особому состоянію души, если въ пѣснѣ замкнута оригинальная мысль, заслуживающая труда быть сохраненной, новой пѣсенкѣ выпадаетъ счастливая судьба: на слѣдующій день ее повторяютъ всѣ въ деревнѣ, а десять

лѣтъ спустя поеть ее весь полуостровъ, и полувѣкомъ позднѣе она находить соотвѣтствія въ народныхъ литературахъ почти всѣхъ странъ".

Въ объемистой пятитомной коллекціи Франсиско Родригесъ Маринъ собралъ всю эту сокровищницу Испанского поэтическаго творчества: *Cantos Populares Espanoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodriguez Marin. 5 tomos. Sevilla. 1882.* По полнотѣ своей это собраніе можетъ быть сравнено съ такими собраніями Русскихъ народныхъ пѣсенъ, какія дали намъ Шеинъ и профессоръ Соболевскій, но собраніе Марина, какъ пріобрѣтеніе въ области народознанія, имѣть еще и ту цѣнность, что въ немъ огромное множество изъяснительныхъ замѣчаній и параллелей изъ Португальскаго фольклора, Сицилійскаго и обще-Итальянскаго. Пѣсни, собранныя Мариномъ, обнимаютъ полнозвучность темъ и настроеній. Колыбельныя пѣсни, дѣтскія игры, загадки, бранности, заклинанья, заговоры, влюбленность, признанія, нѣжность, ревность, серенада, ненависть, презрѣніе, примиреніе, любовные совѣты, пляски, историческія пѣсни, мѣстныя и прочее и прочее. Изъ всего этого разнообразія я беру одинъ основной моментъ—любовь—съ его естественнымъ дополненіемъ—ненавистью. Любовь и ненависть по природѣ своей однородны, но только ненависть есть обратный ликъ любви. Одно есть отъ Бога, другое отъ Дьявола, одно есть прямое, другое—опрокинутое.

Вспоминаю то, что я говорилъ когда-то объ Испанскихъ народныхъ пѣсняхъ, печатая впервые небольшое ихъ собраніе въ своей книгѣ „Горная Вершина“.

Немногословныя и яркія Испанскія пѣсни, созданныя безъимянными поэтами изъ народа, можно было бы назвать „Цвѣтами Влюбленныхъ“. Они такъ же исполнены любовью, какъ воздухъ весны — ароматомъ расцвѣтшихъ растеній.

Испанская манера выражать любовь рѣзко отличается отъ манеры, свойственной намъ, Сѣверянамъ. Въ сѣверныхъ странахъ очертанія предметовъ окутаны дымкой. Въ странахъ, озаренныхъ жгучимъ солнцемъ, очертанія предметовъ предстаютъ отчетливо, со всѣми ихъ крупными и мелкими подробностями. Эта истина повторяется и въ мірѣ природы и въ жизни души. Норвежскія горы и фьорды, Русскіе лѣса и равнинны такъ же туманны и загадочны, какъ души ихъ обитателей, печальные души, полныя пропастей и всегда недосказанныхъ словъ, всегда недовершенныхъ сновидѣній. Воздушныя окрестности Неаполя, залитая солнцемъ природа Андалузіи отчетливы и ясны въ своей красотѣ,—они полны тѣхъ же опредѣленныхъ эффектовъ свѣтотѣни, которые восхищаются настъ въ быстрыхъ переходахъ отъ гиѣва къ иѣжности и отъ ласки къ ревности, составляющихъ неизбѣжную черту полутихъ красивыхъ Южанъ!]

Когда Сѣверянинъ влюбленъ, онъ просто чувствуетъ красоту любимой женщины, онъ получаетъ общее впечатлѣніе ея очарованія. Если онъ на чемъ-нибудь остановить детальное вниманіе, это, конечно, будутъ глаза, вѣчно глаза, только глаза, потому что души черезъ взгляды легче всего соприкасаются одна съ другой. Но Южанинъ видитъ все лицо, и для каждой отдельной части его онъ находитъ чарующій образъ. Онъ видитъ, что губы напоминаютъ гвоздику, любимый цветокъ Испанцевъ, что ротъ напоминаетъ закрывшіеся лепестки, что зубы—какъ жемчугъ въ темницѣ изъ коралловъ, и онъ описываетъ подробно все лицо, поэтизируя каждую подробность. Онъ говоритъ о глазахъ. Но вы думаете, что глаза—не болѣе какъ глаза? Какая ошибка! Глаза состоять изъ зрачка, всегда перемѣнчиваго, изъ бѣлка съ синими жилками, напоминающими облачное небо, изъ острыхъ, какъ

иглы, рѣсницъ, черныхъ, какъ ночь изъ бровей, похожихъ на луну въ новолуніе. Что для Сѣверянина одновременно — начало и конецъ, то для Южанина превращается въ длинную цѣль отдельныхъ звеньевъ: онъ разъединяетъ начало и конецъ, заполняя промежуточное пространство цѣльными въ своей частичности впечатлѣніями.

Безъимянные пѣвицы изъ среды Испанскаго народа сходятся въ этомъ отношеніи съ лучшими образцами любовной лирики.

Взгляните, какъ Индійскіе поэты описываютъ типъ совершенной женщины, чье имя Падмини, женщина — лотосъ (*Kâmasûtram*). Она прекрасна, какъ нераскрывшійся лотосъ, какъ наслажденіе. У нея стройный станъ и поступь лебедя. Ея голосъ какъ пѣніе птицы, манящей другую, ея слова — какъ сладостная сома. Отъ нея исходитъ дыханіе мускуса, и за нею летить золотая пчела, кружась надъ ней, какъ надъ цветкомъ, тающимъ нѣжный запахъ меда. Ея длинные шелковистые волосы волнисты; они благоуханы сами по себѣ, и лицо ея окружено ими, какъ лунный дискъ въ полнолуніе. Ея глаза, чей разрѣзъ прекрасенъ, блестящи, нѣжны и пугливы, какъ глаза газели; черные, какъ ночь, ихъ зрачки горятъ въ глубинѣ орбитъ, какъ звѣзды въ мрачномъ небѣ; ихъ длинныя рѣсницы даютъ взгляду силу притягательную. Ея чувственныя губы розовы, какъ вѣнчикъ нерасцвѣтшаго цветка, или красны, какъ красные плоды. Ея бѣлые зубы какъ аравійскій жемчугъ; улыбнется — и они какъ жемчужныя четки въ оправѣ изъ коралла. Изящная, какъ воздушный лепестокъ, она любить бѣлые одежды, бѣлые цветы, красивыя драгоцѣнности и богатые наряды.

Совершенно такъ же и въ „Пѣсни Пѣсней“ мы видимъ, какъ великий царственный поэтъ, плѣненный смуглую одчерью пустыни, возсоздаетъ передъ нами, въ ча-

стичныхъ гимнахъ, образъ своей возлюбленной, чьи поцѣлуи слаше мирры и вина. И Шелли, въ поэмѣ „Эпипсихидіонъ“, отдаётся тому же побужденію, когда, описывая идеальную Эмилію Вивіани, онъ нагромождаетъ одинъ образъ на другой. И Эдгаръ По въ своей геніальной фантазіи „Лигейя“, рисуя сказочную женщину, создаетъ поэму женского лица.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той способностью человѣческой души, которую я назову *радостью многообразности*, и—какъ ни страшно научное слово—назову еще *усладою классификаціи*. Эта способность проявляется у людей влюбленныхъ, у людей, страстно любящихъ что-нибудь, побуждаемыхъ этой исключительной любовью къ непрерывному созерцанію любимаго, а отсюда къ открытію въ томъ, что любишь, вѣчно новыхъ и новыхъ оттѣнковъ. Эта способность составляетъ неотъемлемую черту цѣлыхъ народовъ, которые по страстности своей всегда находятся въ космической влюбленности. Мы, Сѣверяне, мы, бѣлоликіе, блѣдные, смотря на родную природу, куда какъ односложны въ наименованіяхъ. Видимъ иву, скажемъ—плакучая ива, вѣтвистая ива, и снова—плакучая ива. Лѣсную красавицу нашу, березу, называемъ бѣлой березой, кудрявой, скажемъ иногда—тонкостольная береза, сравнимъ иногда березу съ молодою дѣвшкой. Дальше не пойдемъ. Вырвется у насъ, въ счастливую минуту, пять-шесть опредѣленій, и затѣмъ Сѣверная мысль вступаетъ въ кругъ повторностей. Возьмите Индусскую фантазію, Индусскую воспріимчивость, и вы увидите нѣчто совершенно иное. Каждому растенію Индусъ, кромѣ основного названія, даетъ еще цѣлый рядъ другихъ. (См., напримѣръ, Hector Dufrené. *La Flore Sanscrite*. Paris. 1887.) Бамбукъ для Индуза не только бамбукъ, но еще—жадный до воды;—узлистый;—стеблеподобный;—древо для лука;—на крайнихъ вѣтвяхъ плодоносный;—сѣмя смерти;—

цѣпко за землю схватившійся; — чей плодъ похожъ на ячмень; — звучащій; — зародышъ огня; — множество; — великая трава; — благополучіе дающій; — добрый узель; — возлюбленный царями; — врагъ врага. И въ то время, какъ мы о водной лиліи говоримъ лишь, что она бѣлая да чистая, Индусъ говоритъ о священномъ лотосѣ: другъ черной пчелы; — черный корень; — радость земная; — водный камышъ; — луна; — изъ водъ ростущій; — воду покрывающій; — рождающійся въ водѣ; — изъ влаги исшедшій; — водой порожденный; — прудовой; — вода; — влага; — подобный оку; — столистный; — тысячелистный; — обиталище весны; — пребываніе Лакшми (богини красоты); — солнечный даръ; — красотою возлюбленный; — лучезарный; — богатство; — округлый листъ; — богатый листъ; — листъ огня.

Подобно этому, Испанская мысль, прикасаясь къ чему-нибудь, открываетъ все новыя и новыя стороны предмета, параллелизируетъ и безъ конца тѣшится сравненіями, наряжаетъ выбранный предметъ то въ одинъ образъ, то въ другой. Какъ рождается любовь?

Любовь родится въ зѣни,
Ростетъ изъ обращенія,
Ее питаетъ ревность,
И смерть ей — въ оскорбленьи.
Когда же она умретъ,
Тутъ новая любовь
Зарыть ее несеть.

Вѣчность круговорота. Изъ любви умершей рождается новая любовь, какъ изъ пожелтѣвшаго осенью листка, черезъ паденіе его на землю, возникаетъ новый изумрудный побѣгъ, и въ новомъ весеннемъ вѣтеркѣ будутъ безъ конца качаться свѣжіе зеленые листки и стебельки, играя переливами и уводя мысль въ мечту.

Если любовь питается ревностью—и чѣмъ не питается она?—конечно, она должна горѣть неугасимо, ибо здѣсь мы касаемся бездонности.

Въ колодецъ ревности
Спустился я испить,
Испиль тамъ ревности,
Мнѣ съ жаждой вѣчно быть.

И если влюбленная мечта поетъ, что, когда любовь умираетъ, гробовщикомъ ей служить новая любовь, та же мечта, капризно себѣ противорѣча, говоритъ, что, въ концѣ-концовъ, любовь и вовсе не можетъ умереть, пришла — такъ ужъ такъ и останется,ничѣмъ ее не выгонишь.

Тоска убиваетъ тоску,
Печаль убиваетъ печаль,
Гвоздь выбиваетъ гвоздь,
Любовь не выбьетъ любовь.

Любовь въ сущности ничего о себѣ не знаетъ, она лишь познаетъ себя, безпрерывно, вспышками, вѣчно играетъ сама съ собою въ прятки, теряетъ себя и находитъ. Въ отдѣлѣ „Испанскихъ народныхъ пѣсенъ“, носящемъ название — „Teoria y consejos amatorios“, „Теорія и совѣты любовные“, есть опредѣлительное въ этомъ смыслѣ четверостишие.

Любовь ребенкомъ изображаютъ,
Глаза повязкою покрыты,
Вотъ почему всегда влюбленный
Живетъ въ потемкахъ и въ слѣпотѣ.

Безъ конца ощупывая въ слѣпотѣ самое себя, любовь даетъ себѣ многоразличныя опредѣленія.

Любовь есть ребенокъ: когда рождается, ей малаго довольно, а потомъ давай все больше и больше. Лю-

бовь есть червь: войдетъ черезъ глаза, дойдетъ до сердца и смертныя причиняетъ муки. Любовь — злорвредный червь: укуситъ — не найдешь въ аптекѣ лѣкарства. Любовь — червоточина: овладѣваетъ человѣкомъ распространяясь. Любовь — моль: кормится тѣмъ, изъ чего рождается, и всегда грызетъ то, что ее по-родило. Любовь — паукъ: родившись, питается собственнымъ ядомъ, а мы, полюбивъ, живемъ умирая. Любовь — осторожный паукъ: забравшись въ тайный уголокъ души, она раскидываетъ свои паутинки такъ незамѣтно, что и самый мудрый не сумѣеть обрѣзать нить. Любовь — рыба: много острыхъ костей выпадаетъ на долю влюбленныхъ. Любовь — гора: очень высокая, и трудно взойти на вершину, а разъ на-верху, ежеминутно можно сорваться. Любовь — тропинка заводящая: кто по ней идетъ наиболѣе прямо, тотъ наиболѣе теряется. Любовь — веселый лугъ: войдешь — изумленъ развлечениями. Любовь — поле: сохнетъ отъ зноя, а брызнутъ капли — цвѣтеть. Любовь — огонь неугасимый: чѣмъ больше горитъ, себя сжигая, тѣмъ ярче горитъ. Любовь — огонь и вмѣстѣ дымъ; огонь, если пламени въ двухъ сердцахъ горятъ, и черный дымъ, если одно лишь сердце чувствуетъ пытку. Любовь — пламя непонятное: дыма не видно, а пожаръ весь въ заревахъ. Любовь — однихъ освѣжаетъ, другіе — въ ней тонуть. Любовь — медъ, и любовь — желчь. Любовь — книга: прочтешь первые листы — въ страхѣ и ужасѣ, а дойдешь до середины, и забота пропала. Любовь — колесо вѣчно вращающееся: однихъ поднимаетъ, другихъ опускаетъ, бойтесь, многихъ заставило внизъ покатиться. Любовь — табакъ: никто куренье не броситъ, а многимъ хотѣлось бы, и тотъ, кто на время бросаетъ, куритъ съ наибольшою страстью. Любовь — азартная игра: сколько обыгранныхъ. Любовь — школа разочарованій: здѣсь и са-

мые мудрые поучаются, но, сколько бы ни поучались, неисправимые слѣпцы, всегда забываютъ науку. Любовь — воображаемая монеты: никто ихъ не видитъ, а торговля идетъ своимъ порядкомъ. Любовь — торговля, основанная на банкротствѣ: кто выигрываетъ, тотъ теряетъ, и, въ концѣ-концовъ, если есть какой-нибудь барышъ, его уносить Дьяволъ. Любовь — ремесло безъ выучки: знаетъ его и старый и малый, въ мастерскихъ этого ремесла наилучшіе учителя — женщины. Любовь — комедія, и такъ какъ нѣтъ хорошей комедіи безъ репетицій, первая любовь требуетъ второй, а затѣмъ — число увлекаетъ. Любовь — луна: отъ новолуния — до новолуния, ущербъ — и снова. Любовь — величайшая эпидемія, какая существовала въ мірѣ; кто ея не зналъ. И наконецъ —

Любовь есть тяжба,
Судись, коль хочешь, —
При пересмотрѣ
Ее теряешь.

А если потерялъ, струна сейчасъ же запоетъ —

Сердце безъ любви —
Растенье безъ плода,
Несчастный, что не любить,
Зачѣмъ живеть онъ въ мірѣ?

Испанскія народныя пѣсни, будуть ли это трехстрочная soleares, или четырехстрочная coplas, или семистрочная seguidillas, — три обычные ритмы Испанскаго поэтическаго творчества, — всегда воздушны, тонки по настроеніямъ и зеркальны въ своей озаренности. Въ одной сэгидильѣ ревнующая дѣвушка говоритъ своему милому:

— На луну я взглянула,
И увидѣла въ ней,
Что влюбленъ ты въ другую
И тѣшишься съ ней.

„Кто тебѣ рассказалъ это?“

— Мнѣ никто не сказалъ это.

Тамъ въ лунѣ, я увидѣла въ ней.

Любящая душа связана со всѣмъ міромъ, отовсюду воспринимаетъ тайныя вліянія и дѣлается воздушно-проникновенной. Это зеркально-лунное ясновидѣніе Испанской дѣвушки означительно для всего народнаго творчества Испаніи, и оно напоминаетъ въ то же время прелестную Монгольскую пѣсню „Зеркало“, которой я закончу эти строки.

Я коня вороного тебѣ осѣдала,
Отточила твой ножъ, заострила копье.
Если нужно, такъ въ путь, встрѣтъ змѣйное жало,
Но въ бою не забудь ту, чье сердце — твое.
Какъ въ томъ зеркальцѣ маломъ, въ томъ зеркальцѣ чуд-

номъ,

Что мнѣ съ ярмарки разъ ты изъ Кахты привезъ,
Обѣщай мнѣ, что буду въ пути многотрудномъ
Отражаться въ душѣ твоей, въ зеркалѣ грезъ.
Прежде чѣмъ ты уѣдешь, мнѣ дай обѣщанье
Каждый вечеръ смотрѣть, въ третій часъ, на луну,
Въ этотъ часъ, какъ ея такъ зеркально сіянѣ,
Ты гляди въ серебро, ты гляди въ глубину.
Прежде чѣмъ ты уѣдешь, тебѣ обѣщанье
Также дамъ, что смотрѣть, въ третій часъ, на луну
Каждый вечеръ я буду, завидѣвать сіянѣ,
Въ тотъ серебряный кругъ, въ ту ея глубину.
Каждый вечеръ твои буду чувствовать очи,
Каждый вечеръ глаза будешь чуять мон,
И вѣправду луна, въ приближеніи ночи,
Будеть зеркаломъ намъ, въ серебрѣ, въ забытьи.
Каждый вечеръ увижу коня вороного,
И тебя въ томъ ираю, гдѣ играетъ война,
Каждый вечеръ увидишь ты снова и снова,
Какъ тебя я люблю, какъ тебѣ я вѣрна.

Парижъ, Пасси, 60, улица Башни.

1908. Июнь. 3 — 4.

К. Бальмонтъ.

ИСПАНСКІЯ ПѢСНИ.

— Кто-нибудь насъ слышитъ? — Нѣтъ.

— Поболтаемъ, хочешь? — Да.

— У тебя есть милый? — Нѣтъ.

— Хочешь, я имъ буду? — Да.

Испанская пѣсенка.

Влюблённость.

1.

Мать, что тебя породила,
Ранняя роза была,
Она лепестокъ обронила,
Когда тебя родила.

2.

Съ головы до ногъ
Ты одинъ цвѣтокъ.
О, счастлива мать,
Чья такая дочь.

3.

Когда ты проходишь по улицѣ,
Говоря съ своими друзьями,
Ты какъ будто король надо всѣми,
И нѣженъ зеркальный мой ликъ.

4.

Приходитъ Мартъ съ цвѣтами,
И съ розами Апрѣль,
И Май, онъ весь въ гвоздикахъ,
Чтобъ увѣничать тебя.

5.

Чуть вошелъ въ твою улицу,
Королевой зову тебя,
Приношу, чтобъ вѣнчать тебя,
Вѣтви пальмы и лиліи.

6.

Сбрось, молю, мантилью эту,
Дай мнѣ волосы увидѣть:
Для того, чтобъ видѣть образъ,
Ткань съ него отодвигаютъ.

7.

Волна твоихъ волосъ
Есть цѣпь для многихъ душъ;
Когда распустишь ихъ,
Ты вяжешь цѣпь тѣснѣй.

8.

Кудри украла
Свѣтлянка у солнца,
У меня же украла
Сердце и жизнь.

9.

Бѣлокъ твоихъ глазъ
Съ лазурными жилками —
Какъ будто бы небо
Въ тотъ день, когда облачно.

10.

Эти синіе глазенки
Ты украла у небесъ,
Небу дашь отчетъ за козни
Этихъ хитрыхъ двухъ повѣсь.

11.

Твои глаза — лазурные,
Глаза благословенные,
Мои глядятъ и молятся,
И просятъ милосердія.

12.

Твои глаза — два зеркала,
Я въ нихъ смотрюсь. Постой.
Не закрывай ихъ, жизнь моя.
Не закрывай. Открой.

13.

Глаза моей смугліанки —
Какъ горести мои:
Большіе, какъ печали,
И черные, какъ думы.

14.

Брови твои — какъ двѣ новыхъ луны,
Очи — двѣ утреннихъ яркихъ звѣзды,
Свѣтятъ и ночью, и днемъ,
Свѣтлѣй, чѣмъ на небѣ родномъ.

15.

Звѣздъ на небѣ, звѣздъ на небѣ —
Тысяча и семь,
А твои считая очи —
Тысяча и девять.

16.

Гаснетъ, гаснетъ луна.
— Пусть ее погасаетъ:
Луна, что меня освѣщаетъ,
Здѣсь у окна.

17.

Твои глаза — разбойники,
Воруютъ, убиваютъ,
Рѣсницы — горы темныя,
Разбойниковъ скрываютъ.

18.

Зачѣмъ вы, черные глаза,
Зачѣмъ на исповѣдь неайдете?
Вы столько крадете сердецъ,
И столькихъ каждый мигъ убьете.

19.

Твои рѣсницы, крошка,
Пригорши острыхъ иголъ:
Чуть только ты посмотришьъ,
И душу мнѣ пронзишь.

20.

Рѣсницы глазъ твоихъ
Черны, какъ мавританки,
Среди рѣсницъ твоихъ
Мерцаютъ двѣ звѣзды.

21.

Твой нѣжный ротъ — тюрьма,
Темница безъ ключей,
Въ немъ узники — жемчужины,
Въ немъ изъ коралловъ дверь.

22.

Твой нѣжный ротъ такого
Исполнень чарованья;
Что мой схватиться хочетъ
Съ нимъ въ битвѣ поцѣлуевъ.

23.

Твой ротъ, моя малютка,
Закрывшійся цвѣтокъ,
О, если бъ поцѣлуемъ
Его раскрыть я могъ.

24.

Губы твои —
Двѣ гвоздики,
Дай имъ напиться, —
Засохли.

25.

Веселая пташка
Твой клюнула ротъ,
Подумала — роза
Такъ ярко цвѣтеть.

26.

Когда ты смѣешься,
Румяные губы,
По блеску и краскѣ,
Какъ яркій рубинъ.

27.

Твои губы — двѣ гардины,
Ярко-красная тафта,
Межъ гардиной и гардиной
Ожидаю „да“.

28.

Красная, красивая гвоздика,
Сорванная съ каплями росы,
Эти раскраснѣвшіяся губы
Не твои, теперь онѣ мои.

29.

Зубы твои, волшебница,
Цѣпи изъ кости слоновой,
Сердце мое оковано,
Сердце съ душой въ плѣну.

30.

Снѣгъ по лицу твоему
Нѣжно прошелъ, сказавъ:
— Тамъ, гдѣ не нуженъ я,
Что же и дѣлать мнѣ?

31.

Изъ снѣга и пурпura
Щеки твои,
И снѣгъ этотъ свѣтится,
Пурпуръ горитъ.

32.

Въ лицѣ твоемъ лучшее все,
Что въ небѣ и здѣсь на землѣ:
На щекахъ твоихъ розы цвѣтутъ,
А въ глазахъ твоихъ звѣзды горятъ.

33.

Не цвѣтутъ зимой гвоздики,
Сушитъ ихъ морозъ жестокій,
На твоемъ лицѣ гвоздикамъ
Богъ весь годъ цвѣсти позволилъ.

34.

Лицо твое сравню я,
О, свѣтлая любимка,
Съ январскою луною
И съ августовскимъ солнцемъ.

35.

Съ луною январской
Тебя я сравнилъ.
Свѣтлѣй она, ярче
Всѣхъ прочихъ въ году.

36.

Создавъ тебя, Богъ восхотѣлъ
Отмѣтить печатью тебя,
И родинку онъ положилъ
На нѣжную щеку твою.

37.

Какъ вода переливается
Подъ лавровымъ подъ кустомъ,
Красота переливается
На лицѣ твоемъ.

38.

Бѣлизной твоей шеи
Ты пѣнила меня,
Привяжи волосами,
Такъ и выкупъ придетъ.

39.

Свѣтлянка, солице солнцъ,
Лицо твое — ковчегъ,
А грудь твоя есть путь
Въ страну эдемскихъ нѣгъ.

40.

Твои руки — царственные пальмы,
Твои пальцы — десять бѣлыхъ лилій,
Твои губы — нѣжные кораллы,
Твои зубы — тонкій свѣтлый жемчугъ.

41.

Какіе пальцы для колецъ!
Какая грудь для алмаза!
Какія уши для блесковъ!
И вся для влюбленнаго глаза!

42.

Какія руки для перчатокъ!
Какіе пальцы для перстней!
Какая шея для ожерелья!
И ротъ, и ротъ, чтобы целовать!

43.

Ты стройна, тонка,
Что камышъ рѣчной,
Вся ты ликъ цвѣтка
Надъ волной.

44.

Изъ Веракрусь въ Испанію
Три вышли корабля,
И всѣ-то съ поясочками
Для таліи твоей.

45.

Ты гвоздика Апрѣля
И ты Майская роза,
Лунный ликъ ты Январскій,
И я въ чарѣ твоей.

46.

Ты мускатная роза,
Ты душистая роза,
И ты бѣлый жасминъ
Средь Апрѣльскихъ долинъ.

47.

Ты болѣе желанна,
Чѣмъ утренняя свѣжесть,
Ты болѣе красива,
Чѣмъ розы ранній цвѣтъ.

48.

Ты лучшая гвоздика,
Расцвѣтность молодая,
Расцвѣтшая съ росою
Начавшагося Мая.

49.

Ты пальма роскошная,
Ты красивѣйшій лавръ,
Ты бѣлая лилія,
Ты гвоздика гвоздикъ.

50.

Ты пальма роскошная,
Ты на небо идешь,
Чтобы жить и звѣздиться тамъ,
Между звѣздъ серафимъ.

51.

Ты свѣтлѣй, чѣмъ солнце свѣтлое,
Ты бѣлѣй, чѣмъ бѣлый снѣгъ,
Роза ты Александрийская,
Что въ расцвѣтѣ круглый годъ.

52.

Ты какъ вервена
На зеленомъ лугу,
Ты словно сладость,
Что таетъ во рту.

53.

Ты чеканное золото,
Ты печать серебра,
Колесница побѣдная
И сирена морей.

54.

Звѣздочки небесныя
Жалуются Богу,
Для чего не создалъ ихъ
Съ красотой твоей.

55.

Одна звѣзда потерялась,
Нѣтъ ея болѣе въ небѣ,
Она въ твоей комнатѣ свѣтить,
Твое лицо освѣщаетъ.

56.

Этой легкою ногою,
Этой поступью воздушной,
Столько ты людей убила,
Какъ песку на днѣ морскомъ.

57.

Я думалъ, что луна
Явилась на балконѣ,
Я думалъ, что луна
Была луна и солнце.

58.

Я родился бѣлый,
А теперь я смуглый,
Обожаю солнце,
Жжетъ оно меня.

59.

Луна остановилась
Въ стремлениі своемъ,
Тебя въ восторгѣ видя
Волшебницей такой.

60.

Солнце затменьемъ объято,
Солнце любовью объято.
Если влюблено солнце,
Что жь это будетъ съ людьми?

Нѣжности.

1.

Пой ты пѣснъ, и буду пѣть я,
Птичка на зеленой вѣткѣ,
Пой ты пѣснъ, и буду пѣть я,
Всякій пой, кто любитъ.

2.

Птичка, пролетая,
Держитъ въ клювѣ надпись,
Буквы золотыя:
„Плѣнница любви“.

3.

Изъ птицъ, что летаютъ,
Мнѣ нравится воронъ:
Любовь моей жизни
Одѣта вся въ черномъ.

4.

Тебѣ я далъ вчерашней ночью
Въ окошко пять гвоздикъ,
Пять чувствъ то были, о, малютка,
Что отдалъ я тебѣ.

5.

Если бъ тысячу жизней имѣлъ я,
Я тебѣ бы ихъ отдалъ всѣ вмѣстѣ,
Лишь одну я имѣю,—возьми,
Но возьми ее тысячу разъ.

6.

Этотъ кинжалъ золоченый
Возьми и пронзи мое сердце;
И цвѣтъ моей крови разскажетъ,
Люблю ли тебя.

7.

Ты для меня мой отдыхъ,
Ты для меня утоленье,
Гвоздика, чье нѣжно дыханье,
И всѣ мои, всѣ владѣнья.

8.

Я утесь обрывный,
Я суровый камень,
Я для всѣхъ, какъ бронза,
Для тебя, какъ воскъ.

9.

Ты округлая радуга
Надъ моими печалиами,
Ею нѣжно врачаются
Всѣ мои огорченія.

10.

На дворѣ своемъ
Бла дѣвушка,
Я ей знаками—
Дай немножечко.
Мнѣ отвѣтила—
Приходи, поѣшь
Сердца этого.

11.

Будь море—чернила,
Будь небо—бумага,
Написать я не могъ бы,
Какъ тебя я люблю.

12.

Въ перламутровой раковинѣ
Я тебя нарисую,
Чтобъ была ты со мною,
Чтобъ тебя не искалъ я.

13.

Хоть бы ты взошла на небо,
Хоть была бы рядомъ съ Богомъ,
Такъ святыя не полюбятъ,
Какъ тебя люблю я.

14.

За обѣдней взглянула
На меня ты съ улыбкой.
Какъ лицо повернула,
Показалась мнѣ солнцемъ.

15.

О, крылатый, какъ птицы,
Ты, мой милый, мой милый,
Мнѣ мѣшаютъ рѣсницы
На тебя наглядѣться.

16.

Я хотѣлъ бы быть съ тобою
Каждый мѣсяцъ тридцать дней,
И еще семь дней въ недѣлю,
Каждую минуту разъ.

17.

Сердце мое въ тотъ день,
Когда я съ тобою не вижусь,
Словно печальная птичка,
Что съ вѣтки на вѣтку летить.

18.

Я хотѣлъ бы, чтобы домъ твой
Былъ изъ хрустала,
Говорить съ тобой нельзя мнѣ,
Видѣлъ бы тебя.

19.

Та, кого люблю я сердцемъ,
Точно бѣлая гвоздика,
Что раскрылась поутру.

20.

Ты моей души мученье,
Ты моей тоски начало,
Вотъ тебя я и люблю.

21.

Я люблю любовью нѣжной,
Что нѣжнѣй, чѣмъ слитный духъ
Розъ, гвоздики и жасмина.

22.

Подожди, еще останься,
Каждый разъ, какъ ты уходишь,
Это жизнь уходитъ прочь.

23.

Если мои вздоханья
До подушки твоей дойдутъ,
Ты ужъ къ нимъ будь милосердна,
Дай имъ пріютъ.

24.

Между мной и луной—жемчуга,
Между мною и солнцемъ—жасминъ,
Между мною и миленькимъ—цѣпи,
Цѣпь любви, чтобы онъ не забылъ.

25.

Обожаю невозможность,
Въ чемъ есть свойство тѣхъ, въкомъ тонкость,
А возможности желанны
Только тѣмъ, кто глупъ.

26.

Сегодняшней ночью мнѣ снилось,—
О, если бъ мнѣ сонъ не солгалъ!—
Завязанъ передникъ твой лентой,
Я ленту твою развязалъ.

27.

Какъ солнечный лучъ я хотѣлъ бы
Въ окошко твое заблестѣть,
Чулки, башмачонки и юбку
Помогъ бы тебѣ я надѣть.

28.

Когда бъ подъ ключомъ я
Съ тобой очутился,
И слесарь бы умеръ,
И ключъ бы сломился!

29.

Лѣстница поставлена,
Хочешь, я взойду,
Наслаждаться блесками
Красоты твоей?

30.

Когда же захочетъ Создатель,
Чтобъ вспыхнуло пламя зари:
— Ты любишь меня?—Обожаю.
— И ты мнѣ позволишь?—Бери.

Ревность.

1.

Въ колодецъ ревности
Спустился я испить;
Испилъ тамъ ревности,
Мнѣ съ жаждой вѣчно быть.

2.

Меня зовутъ—ревнивый.
О, боль! Но какъ же быть?
Работникъ я, и домъ свой
Желаю сохранить.

3.

Разъ люблю тебя, ревную.
Безъ любви, гдѣ взялъ бы ревность?
Разъ тебя я не любилъ бы,
Хоть бы Дьяволъ взялъ тебя.

4.

Цвѣтникъ изъ розъ,
Его храню я,
Шипы въ немъ есть,
Ихъ не довольно.
И стерегу,
И берегу,
Такъ стерегу, что глазу больно.

5.

Мой другъ вопрошалъ меня:
Что есть ревность? Скажи мнѣ.
Онъ не знаетъ,—какъ счастливъ онъ
Въ томъ незнаныи своемъ.

6.

Сегодня ночью
Ты такъ ревнива,
Что словно роза,
Кругомъ въ шипахъ.

7.

Да, твоя любовь какъ вѣтеръ,
А моя любовь какъ камень,
Что недвиженъ навсегда.

8.

Ты себя со мной сравнила.
Ты изъ всѣхъ металловъ слитокъ.
Я—безпримѣсный металлъ.

9.

О, безумна, ты безумна,
Ты какъ колоколъ, въ который
Каждый можетъ позвонить.

10.

Отъ тоски я умираю,—
Ты живешь еще на свѣтѣ,
Ты, умершій для меня.

11.

Какъ хрусталь—влеченье сердца,
Какъ бокалъ—любовь людская,
Чуть толкнешь его неловко,
Разобьется на куски.
И ужь такъ всегда бываетъ:
Чѣмъ нѣжнѣе, тѣмъ скорѣе
Разобьется навсегда.

12.

Ревность—какъ волны:
Думаешь—горы,
Смотришь—какъ пѣна,
Вотъ уже нѣть.
Съ вѣтромъ приходятъ
Ревность и волны,
Съ вѣтромъ уйдутъ.

13.

Дай мнѣ печали,
Дай мнѣ тревоги,
Все, что ты хочешь,
Только не ревность.

14.

Огонь нещадный,
Пожаръ, въ которомъ
Горю, ревния,
И умираю.
Убить хочу я:
Погибнуть легче
Въ одномъ пожарѣ.

15.

Я умираю,
Ужь я покойникъ,
Такъ жалитъ ревность,
Такъ отравляетъ.
Кто съ ней не хочетъ
Жить неразлучно,
Вмигъ убиваетъ.

16.

Если бы зналъ я, по какимъ ты
Здѣсь камнямъ проходишь,
Я бы ихъ перевернулъ,
Да никто не ступитъ.

17.

Мой мужъ—мой мужъ,
Онъ мужъ ничей,
Кто хочетъ мужа,
Воюй, бери.

18.

Очи моей смуглянки,
Святая Люсія, храни ихъ.
Если жь не мнѣ они свѣтять,
Вороны, выклойте ихъ.

19.

Мой милый такъ непостояненъ,
Нейдетъ, нейдетъ, а я все жду.
Чтò, если тѣшится теперь онъ
Цвѣтами, но въ другомъ саду!

20.

Ужь слышенъ звонъ о душахъ,
А милый мой нейдетъ.
Чтò, ежели другая
Съ нимъ счетъ часовъ ведеть!

21.

— На луну я взглянула
И увидѣла въ ней,
Что влюбленъ ты въ другую
И тѣшишься съ ней.
— Кто тебѣ рассказалъ это?
— Мнѣ никто не сказалъ это,
Тамъ въ лунѣ, я увидѣла въ ней.

22.

Тѣмъ же вѣромъ, которымъ
На себя ты вѣшь вѣтромъ,
Ты тому, кого ты знаешь,
Посылаешь тайно знаки.

Тотъ же вѣръ и движенье,
Для тебя въ немъ освѣженье,
Для меня пожаръ.

23.

Я птичкой ручною
Къ рукѣ твоей льну,
А ты улетаешь
Съ другимъ.

24.

Скорѣе мертввой
Тебя хотѣлъ бы,
Чѣмъ близъ другого
Я увидать.
Скорѣй въ могилѣ!
Ты не была бы,
Но не была бы тогда чужой.

25.

Въ саду моей царицы
Садовникомъ былъ я.
Когда жъ раскрылись розы,
Пришелъ ихъ рвать другой.

26.

Иди въ недобрый часъ,
Усталъ тебя любить,
На башнѣ ты фонарь,
Ты свѣтишься для всѣхъ.

27.

Если любишь лишь меня,
Буду твердой я стѣной,

Если любъ тебѣ другой,
Скроюсь молніею я.

28.

У тебя любовь съ другой,
И любви со мною хочешь,
Хочешь ты дѣлить любовь,
Не хочу любви раздѣльной.

29.

Я не люблю сердецъ,
Гдѣ трещина видна.
Когда даю свое,
Даю его сполна.

30.

Если бъ я родился василискомъ,
Я тебя бы взоромъ умертвилъ,
Чтобъ тебя совсѣмъ отнять у міра,
Чтобъ тебя никто въ немъ не любилъ.

Признанія.

1.

Какъ жемчужины—признанья,
Чуть жемчужина сорвется,
За одной—другая, третья,
Ожерелье распадется.

2.

Если здѣсь ты чужестранка
И любви искать приходишь,
Жизнь моя, вотъ я, слѣпецъ твой,
Отъ твоихъ двухъ солнцъ ослѣпшій.

3.

Если я и чужестранка,
Не любви искать пришла я,
Ибо я въ землѣ родимой
Вѣтвь оставила съ цвѣтами.

4.

Гдѣ есть радость, тамъ счастія мѣра,
И мнѣ нравится тотъ кабальеро,
Потому что онъ въ траурѣ одѣтъ,
А мнѣ радостенъ черный цвѣтъ.

5.

Дама въ черномъ покровѣ,
Кто умеръ, въ чемъ скорбь твоя?
Если отецъ—сокрушайся,
Если милый, такъ вотъ здѣсь я.

6.

На высокое небо взошелъ я,
Чтобы имя узнать красоты,
И одинъ серафимъ мнѣ повѣдалъ,
Что зовешься Долоресъ ты.

7.

„Пресвятая Марія!“ взываетъ
Погибающій въ морѣ морякъ.
На землѣ я, но кличу: „Марія,
О, Марія, даруй мнѣ знакъ“.

8.

Ай, какъ высокъ тотъ балконъ!
Ай, тотъ балконъ золоченый!
Ай, что за нѣжная тамъ!
Ай, кто жъ у милой влюбленный!

9.

Болѣе не веселять
Ни розы меня, ни жасмины,
Веселитъ лишь твое лицо,
Скажи, гдѣ живешь ты, малютка?

10.

Скажи, гдѣ живешь ты, малютка,
Хочу я тебя узнать,
И если дружка не имѣешь,
Приду на тебя притязать.

11.

Ты малая роза въ бутонѣ,
Своего не раскрыла огня.
Если еще ты не любишь,
Полюби для начала меня.

12.

Яблочекъ нѣжно-цвѣтистый,
Тебя я нашелъ на землѣ.
Если еще ты не любишь,
Влюбившись, предайся мнѣ.

13.

Чуть засну, во снѣ мнѣ снишься,
Чуть проснусь, и въ мысляхъ ты.
Разскажи-ка мнѣ, подружка,
Такъ же ль точно и съ тобой?

14.

Только ты взглянешь,
И только взгляну я,
Говорю я глазами
То, о чёмъ я молчу.

Такъ какъ не вижу
Въ тебѣ я отвѣта,—
Гляжу и молчу.

15.

Глазами гляжу на тебя,
И ртомъ я съ тобой говорю,
И глазами тебѣ говорю я
То, о чёмъ мои губы молчатъ.

16.

Обожаю солнце,
Почитаю образъ,
Чувствую: люблю я,
А она не знаетъ!

17.

Хоть и знаетъ сердце,
Что тебя такъ любить,
Но скрывать умѣетъ,
Чтобъ не оскорбить.

18.

Больше глаза мои любятъ тебя,
Въ скрытности прячась своей,
Нежели тѣ, что кричатъ тебѣ громко,
Нежели тѣ, что шумятъ.

19.

Много имѣю сказать тебѣ, много,
Но говорю это только молчанью,
Много тебѣ говорю умолчаньемъ,
Если въ тебѣ только есть разумѣнья.

20.

Только могу говорить тебѣ
Полуслова.
То, что языкъ начинаетъ,
Довершаетъ душа.
Ибо такъ ужъ выходитъ,
Что любовь есть очень ребенокъ,
И не можетъ она говорить.

21.

Сердце мое загорѣлось,
Дыма же нѣтъ.
Это вотъ значитъ—сгорать
Безъ очевидныхъ примѣтъ.

22.

И твои глаза и мои
Другъ на друга глядятъ, говорятъ,
Но сердца безсловесны,
Нѣтъ межъ нихъ объясненья.
Я, однако, тебѣ сообщаю,
Если нѣть отъ тебя изъясненья,
Не понимаю тебя.

.23.

Тебя хочу я и не хочу я,—
Тутъ разнородность:
Тебя хочу я и не хочу я,
Чтобъ это зналъ ты.

24.

Я хотѣлъ бы на минутку
Быть твоей сережкой свѣтлой,

На ушко тебѣ сказалъ бы
То, что въ сердцѣ у меня.

25.

Чуть увидѣлъ тебя,—полюбилъ,
Какъ тебя полюбилъ,—умираю,
Умирая тобой, чрезъ тебя,
Я счастливымъ себя почитаю.

26.

Съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ тебя,—полюбилъ,
Мнѣ жаль, что случилося это такъ поздно,
Затѣмъ что хотѣлъ бы я, счастье мое,
Тебя обожать отъ минуты рожденья.

27.

Прежде чѣмъ тебя узналъ,
Я тебя уже любилъ,
Потому что возвѣщала
Мнѣ о томъ моя звѣзда.
Да, звѣзда моя такая,
Что мнѣ счастье возвѣщаетъ,
Не узнавъ еще его.

28.

Только я, свѣтловолоска,
Ликъ пресвѣтлый твой увидѣлъ,
Книзу пали, долу пали
Крылья сердца моего.

29.

Законъ, что, кто тебя увидитъ,
Тебя тотъ долженъ обожать.
Тебя я видѣлъ, и не стану

Я на законы посягать.
А то вполнѣ я заслужилъ бы
Изгнанья отъ твоихъ очей,
Какъ исто-справедливой кары.

30.

Студентомъ я быть собирался.
Твою красоту увидалъ я,
Чернила, перо и бумагу
Изъ самаго Ада тутъ взялъ я.

31.

Всѣ звѣзды, всѣ свѣты ночные
Покорствуютъ лицу дневному,
У ногъ я твоихъ и покорный,
Смуглянка моей души.

32.

Марія, Марія, цвѣтокъ красоты,
Тобою я боленъ, тобой умираю.
Имѣешь цѣлебное ты врачеванье,
Больному здоровье верни.

33.

Говорять, голубое есть ревность,
И что алое есть веселость,
А зеленое есть надежда,
На тебя, жизнь моя, уповаю.

34.

Дай мнѣ руку, голубка,
Чтобъ взойти въ голубятню;
Мнѣ сказали, одна ты,—
Вотъ въ компанию я.

35.

Видитъ Богъ, тебѣ я бѣ отдалъ
За лицо твое, смуглянка,
Своего лица глаза,
Хоть бы я слѣпой остался.

36.

Высокій и маленький
Подъ моими окнами ходятъ:
Высокій покажется,
Словно солнце всходитъ,
А маленький выйдетъ,
Какъ будто луна
Январская свѣтить.

37.

Купидончикъ, напрасно
Ты не траться на шутки:
Коль теперь не люблю я,
Я вѣдь знала любовь.
Ты не траться напрасно:
Коль теперь не люблю я,
Я надѣюсь, надѣюсь.

38.

Одинъ я на свѣтѣ, одна ты на свѣтѣ,
Одинъ и одна—это два.
Должны бы вѣ одно эти два сочетаться,
Когда бѣ того Богъ пожелалъ!

39.

Такъ же кратко да, какъ ильмъ,
Однаковы размѣры.
Скажешь да—и жизнь даешь,
Скажешь ильмъ — и смерть мнѣ вѣ этомъ.

40.

Столько жь буквъ имѣеть *si*,
Сколько буквъ имѣеть *no*.
Скажешь *si*—даешь мнѣ жизнь,
Скажешь *no*—мнѣ смерть.

41.

Я зовусь—коль будетъ случай,
Братъ родной—коли придется,
Я племянникъ—если можно,
Внукъ—ну да, а впрочемъ, нпътъ.

42.

Чтобъ взойти, луна у неба
Позволенья просить.
Такъ и я прошу: позволь
Говорить съ тобою.

43.

Возьми мое сердце,—раскрыто,
Коль хочешь убить его,—можешь,
Но такъ какъ ты въ немъ, въ этомъ сердцѣ,—
Убивши, умрешь и сама.

44.

У ногъ твоихъ сердце мое,
И ты не поднимешь его!
О, горькое сердце мое,
Ни отдыха сердцу, ни сна!

45.

Подъ окномъ твоимъ разрушь
Мостовую и взгляни,
Ты увидишь тамъ слѣды

Моего коня;
А смети еще песокъ,
И увидишь ты слѣды,
Что оставилъ я.

46.

Ты скажи мнѣ, наконецъ,
Что жь, уйти мнѣ иль остаться,
Ибо такъ я прямо таю,
Словно соль въ водѣ.

47.

Хоть бы стала ты змѣю,
Хоть ушла бы прямо въ море,
Хоть въ пескѣ бы ты зарылась,
А женюсь я на тебѣ.

48.

Я убѣгаю и ты убѣгаешь,
Кто упорнѣе, это увидимъ.
Я какъ солнце ишу тебя, гдѣ ты?
Ты какъ день отъ меня ускользаешь.

49.

Я въ глубочайшую пещеру,
Что въ средоточьи океана,
Уйду, коль только не достигну
Того, о чемъ замыслилъ я.

50.

Отъ капели неустанной
Самый твердый камень мягче.
Я вздыхаю, но не въ силахъ
Сердце я твое смягчить.

51.

Моей владѣть ты будешь жизнью,
Коль соотвѣтствовать сумѣешь.
Но перемѣнчива ты, знаю,
Ты женщина въ концѣ-концовъ.

52.

Я тебя полюблю, мой желанный,
Коль признанья твои не обманны;
Но коль ты непризнательнымъ будешь,
Саванъ мнѣ приготовь.

53.

Это мой вкусъ—только съ тѣмъ говорить,
Кто понимаетъ, что я говорю,
Тѣхъ забывать, кто меня забываетъ,
Кто меня любить,—любить.

54.

Чтобы тебя я полюбила,
Должна пять разъ я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю, о, жизнь, тебя любить.

55.

Коль я себя не понимаю,
Ужь кто жь тогда меня пойметъ:
Что не люблю тебя, твержу я,
А по тебѣ схожу съ ума.

56.

Ну, скорѣй, иди, не бойся,
Ну, иди къ моей родимой,
Нѣтъ тебѣ она не скажетъ,—
Сердце мнѣ про то вѣщаетъ.

57.

Матери твоей сказалъ я,
А отцу сказать не смѣю,
Но коль матери извѣстно,
И отецъ узнаетъ тотчасъ.

58.

Какъ родимой я сказала,
Мнѣ она въ отвѣтъ: „Увидимъ“.
Недурной отвѣтъ. Сыграемъ
Свадебку съ тобой.

59.

До послѣдней капли крови
Всю бы кровь тебѣ я отдалъ,
Чтобы только ты жила ей,
Говоря всегда мнѣ: Да.

60.

Хвала, на меня ты взглянула!
Хвала, на тебя я взглянулъ!
Хвала, ты меня полюбила!
Хвала, я тебя полюбилъ!

Сътovanья.

1.

Началъ изъ каприза,
Продолжалъ какъ прихоть,
Закрѣпилъ въ безсонномъ,
Кончилъ же тоской.
Это оттого-то
Страшны мнѣ капризы
Болѣе, чѣмъ смерть.

2.

Любовь тѣснить меня
Съ такой упрямостью,
Что миллионы мнѣ
Терзаній шлетъ.

3.

Боль въ груди у меня,
А враги говорятъ,
То не боль, а любовь,
Укрѣпляясь, ростетъ.

4.

Я думаль, что любить
Не больше, какъ игрушка,
А вижу я, что тутъ
Проходишь черезъ смерть.

5.

Я думаль, что, ежели любишь,
Совсѣмъ легко позабыть,
А этотъ заулокъ столь узокъ,
Что вошелъ—и не выйдешь назадъ.

6.

Я былъ, какъ началъ я любить,
Совсѣмъ-совсѣмъ мальчонкой,
Когда же я открылъ глаза,
Я былъ въ своей могилѣ.

7.

На меня кто ни посмотритъ,
Говорятъ:—Ахти, бѣда!
Вѣдь совсѣмъ еще мальчонка,
А попалъ въ тюрьму любви.

8.

Каждымъ утромъ, каждымъ утромъ
Розмаринъ я вопрошаю,
Излѣчима ль боль любви,
Отъ любви я умираю.

9.

Пошелъ я въ поле,
Спросилъ фіалку,
Намъ отъ любви,
Молъ, есть лѣкарство?
Мнѣ отвѣчала,
Что нѣтъ лѣкарства
И быть не можетъ.

10.

Святая Тереза въ пещерѣ
Надѣла, молясь, власяницу,
А мнѣ-то пришлося, а мнѣ-то
Надѣть власяницу любви.

11.

Бѣлый-бѣлый голубочекъ,
Весь, какъ облакъ, бѣленъкій,
Клюнулъ въ грудь меня, родная,
Очень больно сдѣлалъ мнѣ.

12.

У меня кинжалъный шрамикъ,
Раненъ дѣвушкою я.
Никогда кинжаломъ не былъ
Я такъ больно пораженъ.

13.

Я влюбился въ воздухъ,
Въ воздухъ, въ женскій духъ;
Женщина есть воздухъ,
Въ воздухѣ вишу.

14.

Пой, жизнь моя, пой,
Пой и больше не плачь;
Если пѣсни поются,
Веселятся сердца.

15.

Долженъ съ пѣсней умереть,
Ибо съ плачемъ я родился,
Счастье кончилось навѣки
Въ этомъ мірѣ для меня.

16.

Кто поетъ, тотъ бѣду свою гонитъ,
А кто плачетъ, ее умножаетъ;
Я пою, чтобы эти тоскишки
Не терзали меня.

17.

Хоть видишьъ, что пою я,
Поетъ лишь ротъ;
А сердце дышитъ болью,
Въ немъ боль ростетъ.

18.

Кто мое услышитъ пѣнье,
Тотъ подумаетъ—я веселъ,
А неправда: я—какъ птица,
Что поетъ и умираетъ.

19.

Не убивай, не убивай,
Дай мнѣ пожить, дай мнѣ пожить,
Дай мнѣ пройти, дай мнѣ пройти
Чрезъ боли въ этомъ мірѣ.

20.

Сердце мое
Черно, какъ колонны
Въ храмѣ Соломона.

21.

Въ груди моей, въ сердцѣ
Какъ мельничный жерновъ:
Могу ли я сѣтовать,
Можешь ты видѣть.

22.

Сердце мое схватили
И въ тюрьму его заключили,
И хоть нѣтъ заnimъ преступленья,
Къ смерти его присудили.

23.

Печальное сътуетъ сердце,
Печально его вопрошаю:
— Почему ты умерло, сердце?—
Говорить:—Потому, что любило.

24.

Говорилъ тебѣ, сердце,
И опять повторяю:
Не стучись въ эту дверь,
Здѣсь тебѣ не откроютъ.

25.

Ахъ, я, бѣдный, ахъ, бѣдняжка,
Вздохи вѣтру отдаю,
У меня беретъ ихъ вѣтеръ,
А никто ихъ не собираетъ.

26.

У ногъ моей матери
Родился я съ плачемъ,
Возвѣщая тѣ бѣды,
Что терплю я теперь.

27.

Я посѣялъ въ дернѣ
Зерна чарованья,
Оросилъ слезами,
Да умретъ рыданье.

28.

Страдаю, плачу,
Терплю, вздыхая,
Люблю—и этимъ
Я все сказалъ.

29.

Если бъ слезы, что роняю,
Въ камни обратились,
Я на морѣ на соленомъ
Выстроилъ бы крѣпость.

30.

Въ моей груди, внутри меня,
Двѣ лѣстницы хрустальныя,
Одной восходитъ боль моя,
Другой нисходитъ отдыхъ мой.

31.

Птицы въ Аравіи
Вѣчно живутъ,
Ибо не знаютъ,
Что есть тоска.
Если бы вѣдали,
Въ мірѣ бы не было
Птицъ Аравійскихъ.

32.

Мысль моя
Словно дымъ:
Поднимаясь,
Таетъ.

33.

Я раненъ безъ крови,
Я мертвый безъ стали,
Тоскуя, живу я,
Въ тоскѣ умираю.

34.

Безъ жизни живу я,
Живя въ этой жизни:
Живу—не живу я,
Живя, умираю.

35.

Одна я, одна родилась,
Одну меня мать породила,
Одна я должна помереть.
Одиночество, будь же со мною.

36.

Ужь въ окошко не гляжу я
Въ то, въ которое глядѣла я,
А въ окошко я гляжу,
Что выходитъ въ одиночество.

37.

— Чего поѣлъ ты,
Что такъ ты блѣденъ?
— Поѣлъ я пепла
Огней любви.

38.

Я не знаю, кто былъ я,
Я не знаю, чѣмъ былъ:
Я есь образъ печали,
Прислоненный къ стѣнѣ.

39.

Смерти сказалъ я:
Дай свою руку,
Ибо по жизни
Усталъ я ходить.

Но смерть не приходитъ,
Когда ее кличешь,—
Боишься ее, такъ придется.

40.

Смерть я воззвалъ и промолвилъ ей,
Чтобы пришла, унесла меня,
Смерть свой отвѣтъ возвѣстила мнѣ:
Жди и терпи.

Ненависть и презрѣніе.

1.

Любить—любиль, возненавидѣлъ,
Разъ любиши, нѣть тутъ преступленья:
Вѣдь я, когда возненавидѣлъ,
Былъ болѣе чѣмъ ненавидимъ.

2.

Не хочу, чтобъ меня ты хотѣль,
И тебя не хочу я хотѣть,
Но чтобъ ты ненавидѣлъ меня,
И хочу ненавидѣть тебя.

3.

Вижу, меня ты не любишь,
Купилъ я себѣ не любви,
Славную сдѣлалъ покупку,
Тотчасъ тебя не взлюбилъ.

4.

Прочь съ глазъ моихъ,
Чтобы не видѣть:

Ты мнѣ противенъ,
Какъ смертный грѣхъ.

5.

Какъ раньше тебя я любила,
Такъ мнѣ ты теперь ненавистенъ,
Я въ церкви тебя увидала,—
Обѣдни лишилась—ушла.

6.

Башмачокъ я разорвала,
Чѣмъ бы мнѣ его защитить?
Ахъ, отлично: остріями,
Злыхъ и лживыхъ языковъ.

7.

О, чтобы Богъ меня услышалъ,
И чтобы камни возопили,
И чтобы ты узналъ возмездье,
Какъ желаю я его!

8.

Моего умоляю я Бога,
Да умрешь, какъ меня убиваешь,—
Да увижу моими глазами,
Что ты любишь, и ты нелюбимъ.

9.

Да угодно Всевышнему будетъ,
Чтобъ въ тюрьмѣ очутился ты темной,
И чтобы вся твоя, вся твоя пища
Черезъ руки мои проходила!

10.

Я тебѣ посылаю проклятье,—
Да свершится отнынѣ неложно,
Чтобы денегъ имѣлъ ты съ излишкомъ,
Но чтобъ вкуса тебѣ не хватало!

11.

Успѣвай, уходи себѣ съ Богомъ!
Ничего къ тебѣ злого не кличу...
Да не знаешь ни часа покоя
До тѣхъ поръ, какъ живешь въ этомъ мірѣ!

12.

Сколько листьевъ въ лѣсу многоствольномъ,
На горахъ, что стоять предъ Гранадой,
Да умчитъ тебя дьяволовъ столько
Въ часъ, какъ вспомнишь меня!

13.

Мать! Кто былъ причиной лютой
Злонесчастья моего,
Пусть утратитъ, мигъ за мигомъ,
Крылья сердца своего!

14.

Чтобъ въ тебя угодили кинжаломъ,
И чтобъ въ Римѣ святѣйшій отецъ
Излѣчить эту рану не могъ!

15.

Пусть тебя ранятъ кинжаломъ,
Сердце пронижутъ твое;
То, что со мною ты сдѣлалъ,
Да не простить тебѣ Богъ!

16.

Онъ да погибнетъ отъ кинжала,
Кто научилъ меня любить:
Владѣла чувствами своими,—
Утратила надъ ними власть.

17.

Сердце мое, какъ ребенокъ,
Тебѣ показало хотѣнья,
Ты имъ пренебрѣгъ—уходи же,
И скорѣй да застрѣлять тебя!

18.

Ты больна, говорятъ мнѣ,
Богъ тебя да подниметъ...
Отъ постели до гроба,
Чтобы въ землю тебя!

19.

Хоть я пою, какъ видишь ты,
Я бѣшенствую въ пѣніи,
Затѣмъ, что я, какъ женщина,
Бессильна отомстить.

20.

Если твой языкъ изсохнетъ,
Замолчитъ въ параличѣ,
Никого не обвиняй ты,—
То проклятия мои.

21.

Я хотѣла бы быть василискомъ,
На часы, на часы и минуты,
Убивала бѣ, кого пожелаю,
Отдыхало бы тѣло мое.

22.

Есть камни, и камень о камень
Стучится въ течены рѣки,
Молись, чтобъ тебѣ не столкнуться
Со мной на единомъ пути.

23.

Сплю, мыслишь? Нѣтъ, бодрствую.
И разъ попадешься мнѣ,
Сильнѣе мы схватимся,
Чѣмъ Франція съ Англіей.

24.

Я клянусь тебѣ, что гдѣ бы
Ты со мной ни повстрѣчалась,
У тебя оплаченъ гробъ.

25.

Время просилъ я у времени,
И вотъ мнѣ время отвѣтило:
Случится, конечно, со временемъ
И время, и мѣсто, и все.

26.

Тебя я любилъ—достовѣрно,
Тебя позабылъ я—не ложь,
Затѣмъ, что цвѣты на деревьяхъ
Не длятся всю жизнь.

27.

Что тебя любила—правда,
Отрицаться было бъ глупо,
Но, хотя бъ сто лѣтъ ты прожилъ,
Для меня мертвѣцъ.

28.

Говорять мнѣ, меня ты не любишь,
Знаеть Богъ, какъ мнѣ радостно это:
По природѣ своей я послушна,
Только то, что ты любишь, люблю.

29.

Если хочешь, чтобъ сказалъ я,
Въ пѣснѣ я тебѣ скажу:
Какъ любовь къ намъ приходила,
Такъ же точно и ушла.

30.

Замокъ создаль я изъ перьевъ,
Вѣтеръ вдругъ его унесъ.
Я любовь къ тебѣ лелѣялъ,
Побыла, и нѣтъ ея.

31.

Не говори, что тебя я любилъ,
Не говори, что меня ты любила,
Лучше скажи—это быть лишь капризъ,
Такъ, у обоихъ причуда.

32.

Тебя я когда-то
Любила, не знала,
На какую ты ногу хромъ,
Уловки твои были новы.
Теперь я тебя понимаю;
Повѣрь, ты не будешь находкой,
Что стала бы я ревновать.

33.

Любить тебя было капризъ,
Говорить съ тобой было причуда,
А забыть тебя было услада,
Потому что тебя не любила.

34.

Какъ мнѣ вѣсть передавали,
Что меня не любишь ты,
Въ морѣ я не утопилась...
Холодна была вода.

35.

Какъ мнѣ вѣсть передавали,
Что меня не любишь ты,
Въ нашемъ домѣ даже котъ,
На меня смотря, смѣялся.

36.

Иди, тебя ужь не люблю я,
Моя любовь совсѣмъ прошла;
Тебя я вымела изъ сердца,
И хорошо метла мела.

37.

Иди, ступай, иль оставайся,
Мнѣ все равно, любовь прошла;
Иди, воришко неразумный,
Теперь другую обмани.

38.

Иди, ужь тебя не люблю я,
Иди, ты мнѣ больше не милъ,
Иди, проводи свое лѣто,
Гдѣ зиму свою проводилъ.

39.

Я любилъ одну недѣлю,
А другую не любилъ,
Потому что такъ хотѣлось.

40.

Отъ огня твоей свѣчи
Я ужь больше не сгораю.
То, что было и прошло,
Это словно не бывало.

41.

Что ни утро—я къ обѣднѣ,
Чтобы въ церкви помолиться,
Вознести благодаренья,
Что избавленъ отъ тебя.

42.

За то, что видѣлъ,
Благодаренье;
Будь, чьей желаешь,
Я—вовсе мой.
Освободился
Твоей свободой,
Кто былъ твой рабъ.

43.

Соль имѣю, хоть немного,
Но запомни и замѣть:
Соль свою я съ тѣми трачу,
Съ кѣмъ угодно тратить мнѣ.

44.

Товарищъ, товарицъ,
Съ тобой не хочу я
Товарищемъ быть,
Хоть бы въ Рай намъ идти.

45.

Ты далъ мнѣ гвоздику,
Въ ней алость горѣла,
Возьми же тамъ пепель,
Ее я сожгла.

46.

У меня ничего твоего,
А когда бы я что имѣла,
Я въ огонь бы швырнула его,
Чтобъ сгорѣло.

47.

Мой милый, вотъ мой нравъ, запомни:
Не помираю ни по комъ,—
Коли приходишь, принимаю,
Коли уходишь, добрый путь.

48.

Кто, вѣтку срѣзая,
Не трогаетъ корень,
То знакъ, что онъ хочетъ
Къ ней снова вернуться.
Но я не такой:
Коль вѣтку срѣзаю,
И корень долой.

49.

Свѣча дымитъ и погасаетъ,
Что было въ ней горѣть, сгорѣло,
Не говорю тебѣ—уйди,
Не говорю тебѣ—останься.

50.

Что тебѣ за польза плакать
И кричать, какъ сумасшедшій?
Я вѣдь женщина, ты знаешь,
Измѣнить тебѣ должна.

51.

Говориль, меня любишь такъ сильно,
Изъ-за меня умираешь:
Умри, чтобы я увидала,
Тогда я скажу тебѣ: „Да“.

52.

Я влюбился ночью,
Солгала луна мнѣ.
Если вновь влюблюсь,
Такъ ужъ днемъ, при солнцѣ.

53.

Бѣлая, сказалъ ты,
Чтобы посмѣяться.
Я смуглянка, щеголь,
Только не твоя.

54.

Я тебя любилъ когда-то,
А ужь больше не люблю,
Ибо встрѣтилъ я голубку,
Чей возвышеннѣй полетъ.

55.

Говорять, что не любишь ты,
Что не любишь меня,
Если дверь запирается,
Сто дверей раскрываются.

56.

Меня полюбилъ ты, меня позабылъ ты,
И снова меня полюбилъ;
Когда башмаки я свои износила,
Я больше ужь ихъ не ношу.

57.

Башмаки, что износила
И швырнула въ грязь,
Если кто другой надѣнетъ,—
Что мнѣ изъ того?

58.

Въ улицѣ этой живетъ,
Живетъ и жила,
Моего жениха невѣста,
Моя супротивница.
А я-то смѣюсь,
Что она подбираетъ
Остатки мои.

59.

Если хочешь забыть ты меня,
Помѣсти на балконѣ своемъ
Эту надпись, гласящую:
„Ужь окончилось“.
А напротивъ и я помѣщу
Эту надпись, гласящую:
„Вплоть до смерти“.

60.

Скажите тому молодцу,
Что стоитъ на углу и ждетъ,—
Что разъ у него лихорадка,
Пусть хины онъ приметъ.

61.

Уйди съ угла,
Юнецъ,—вѣдь дождикъ,
И дай водѣ
Бѣжать, гдѣ нужно.

62.

Иди и притязанья брось,
Замѣть еще себѣ, что ты
Ничѣмъ особымъ не отмѣченъ.

63.

Не взносися такъ высоко,
Ты вѣдь здѣсь не королева,
Я безъ лѣстницы дерзаю
До тебя достать.

64.

Слишкомъ много изощреній,
Ты какъ будто наступилъ
На цвѣтокъ, чье имя глупость.

65.

Съ тѣхъ поръ, какъ ваша милость
По улицамъ гуляетъ,
Совсѣмъ не продаются
Удилища нигдѣ..

66. .

Невѣста двадцати влюбленныхъ,
Нейдущая ни съ кѣмъ вѣнчаться,
Коль королю себя ты прочиши—
Въ колодѣ картъ четыре ихъ.

67.

Иди и скажи своей матери,
Чтобъ тебя причесала она и умыла,
Чтобы снова тебя молочкомъ покормила
И тебя бы мужчиною быть научила.

68.

Безъ цѣпей!
Дышу свободно,
Наслаждаюсь
Волей мысли.
Какъ доволенъ,
Что ушелъ я
Прочь отъ рабства!

69.

Любилъ—терзался
И ревновалъ,
Изъ золь жестокихъ
Я изошелъ.
Теперь спокоенъ,—
Не воспылаю,
Не задрожу.

70.

Когда-то любилъ я,
Любви больше нѣтъ,
Скажу тебѣ точно:
Доволенъ весьма.
Довольно любви мнѣ,
Жить вольнымъ хочу,
Довольно любви!

Сerenада.

1.

Если бъ зналъ я, жизнь моя,
Что ты слушаешь меня,
Я бы пѣлъ, какъ соловей,
Вплоть до утреннихъ лучей.

2.

Слово пѣсни—капля меда,
Что пролилась черезъ край
Переполненного сердца.

3.

Я иду впередъ, какъ плѣнникъ,
Тѣнь моя идетъ за мною,
Предо мною — мысль моя.

4.

Изъ Мадрида я пришелъ
По шипамъ и по колючкамъ,
Чтобъ тебя увидѣть только,
Ты, очей моихъ гвоздика.

5.

Предстань предъ окномъ твоимъ,
Луна полноликая,
Звѣзда предразсвѣтная,
Зеркальность моя.

6.

Приблизься къ этому окошку,
О, ликъ расцвѣтнаго жасмина,
Тебѣ слагаетъ серенаду,
Кто будетъ мужемъ для тебя.

7.

Въ этой улицѣ, сеньоръ,
Всѣ вы пѣть должны звучнѣе,
Здѣсь цвѣтетъ при входѣ — роза,
А при выходѣ — гвоздика.

8.

Предстань же у окна,
И мы тебя увидимъ,
И свѣтомъ глазъ твоихъ
Закуримъ мы сигару.

9.

Съ этими кудрями золотыми,
Вдоль лица упавшими впередь,
Кажешься ты башней золотою,
Въ церковь призывающей народъ.

10.

Едва увидалъ, полюбиль,
Какъ поздно, мое наслажденье,
Тебя я хотѣль бы любить
Отъ самой минуты рожденья.

11.

Увидать, пожелать, полюбить,
Это все такъ случилось внезапно.
Я не знаю, что раньше пришло,
Полюбилъ ли тебя иль увидѣлъ.

12.

Приблизься къ этому окошку,
О, красота земли,
Увидишь тотчасъ ты, что солнце
Остановило бѣгъ.

13.

Сердце мое и твое
Между собой совѣщались,
Было у нихъ рѣшено,
Что жить имъ въ разлукѣ нельзя.

14.

Счастіе міра проходитъ,
Время и жизнь исчезаютъ,
То, что всегда остается,
Это — любовь.

15.

Не знаю, что такое,
Что въ первой есть любви,
Такъ властно входитъ въ душу,
А выйти ей нельзя.

16.

Первая любовь —
Вплоть до самой смерти,
Всѣ любви другія
Вспыхнутъ и умрутъ.

17.

Подъ грудою пепла
Огонь сохранится,
Чѣмъ дольше разлука,
Тѣмъ тверже любовь.

18.

Луна заскучала о солнцѣ
За три часа до разсвѣта,
Такъ о тебѣ я скучаю,
Жизнь и блаженство мое.

19.

Родилось святое Воскресенье,
На челѣ его горитъ звѣзда,
Со звѣздой родилась я, смуглянка,
Та звѣзда — любить тебя всегда.

20.

Красавица нѣжно спала,
Во снѣ говорила:
— Гдѣ же мой милый? О, гдѣ?
Жизнь безъ него мнѣ могила.

Проснись, наклонись же ко мнѣ.
Ты видишь, о, мой повелитель,
Тебя я люблю — и во снѣ.

21.

Если бъ луна не убывала,
Я бы сравнилъ ее съ тобой,
Нѣтъ, я сравню тебя съ солнцемъ
Съ солнцемъ и съ утренней звѣздой

22.

Сердце мое, летая,
Въ грудь къ тебѣ залетѣло,
Вдругъ утратило крылья,
И вотъ осталось внутри.
Ты люби его крѣпче,
Сердце мое ужъ не можетъ
Теперь улетѣть отъ тебя.

23.

Любовь моя къ тебѣ
Какъ тѣнь идетъ впередъ,
Чѣмъ дальше отъ тебя,
Тѣмъ болѣе ростетъ.

24.

Слава Богу, что пришелъ я
Къ этой нѣжной голубятнѣ,
Здѣсь живеть одна голубка,
Чьи — серебряныя крылья.

25.

Слава Богу, что пришелъ я,
Увидалъ любовь мою,
Слава Богу, что пропѣлъ я,
Слава Богу, что пою.

26.

Я знаю, что ты въ постели,
Но что сонъ къ желанной нейдетъ,
И слушаешь ты:—Въ самомъ дѣлѣ?
Мой милый? Онъ пѣсню поетъ?

27.

Просыпайся, просыпайся,
Пробудиться мигъ приспѣлъ:
Развѣ это справедливо,
Чтобы я для спящей пѣлъ?

28.

Ты горишь звѣздой полярной,
Что ведеть плывущихъ въ морѣ,
Съ той поры, какъ ночь наступить,
До того, какъ день настанетъ.

29.

Если въ Адѣ пойдешь ты,
Я пойду съ тобой,
Если ты со мною,
Всюду Рай со мной.

30.

Приблизился мѣсяцъ къ заходу,
Отъ кровель спускаются тѣни.
О, какъ мнѣ разстаться съ блаженствомъ
Гвоздикъ позлащенныхъ твоихъ!

31.

Прощаются двое влюбленныхъ
Подъ тѣнью зеленої оливы,
И горько прощанье влюбленныхъ,
Какъ горечь зеленої оливы.

32.

Я быть безъ тебя не могу,
Я жить не могу не любя,
И жизнь я утрачу свою,
Когда я уйду отъ тебя.

33.

Я видѣлъ, какъ жилъ человѣкъ,
Имѣвшій сто шрамовъ кинжалъныхъ,
Я видѣлъ, какъ умеръ онъ вдругъ
Отъ силы единаго взгляда.

34.

Говорятъ, ты уходишь, уходишь,
Говорятъ, ты уходишь, мой милый,
Если пить ты захочешь въ разлукѣ,
Не касайся до влаги забвенья.

35.

Я съ твоей прощаюсь дверью,
Словно солнце со стѣнами:
Солнце вечеромъ уходитъ,
Чтобы утромъ вновь придти.

36.

Прощай, серафимъ бессмертный,
Прощай, серафимъ прекрасный,
Я ухожу съ надеждой
Снова увидѣть тебя.

37.

Пусть Богъ пребываетъ съ тобою,
Пусть небо тебя охраняетъ,
Звѣзда пусть тобой руководитъ,
И ангелъ тебя провожаетъ.

38.

Прощай, волшебница души,
Прощай, восторгъ существованья,
Прощай, полярный свѣтъ любви,
Прощай, о, море упованья!

39.

Хоть ухожу, не ухожу я,
Хоть ухожу, не отлучаюсь,
Хоть ухожу своею пѣсней,
Не ухожу своей мечтой.

40.

Прощай, возлюбленное сердце,
Прощай, побѣда красоты,
Прощай, жасминъ, прощай, гвоздика,
Прощайте, свѣтлые черты.

Колыбельные пѣсни.

1.

Засыпаетъ роза,
Вся въ росѣ блестя.
Наступаетъ вечеръ,
Спи, мое дитя.

2.

Спи, мое дитятко малое,
Нѣжу я дѣтку мою,
Вотъ колыбель закачалася,
Баюшки-баю-баю.

3.

Предъ дверью, что въ Рай ведеть,
Продаютъ башмачоночки,
Для маленькихъ ангеловъ,
Которые босы.

4.

— Вы, птички-щеглятки,
Чего вы поѣли?
— А супцу изъ миски,
Водички изъ рѣчки.

5.

На дѣтокъ, что дремлютъ,
Богъ ласково смотрѣть,
Нѣдремлющей матери
Богъ помогаетъ.

6.

Ты усни, мое дитятко,
Спи же, сердце мое,
Съ нами Дѣва Пречистая,
Съ нами Божье Дитя.

7.

Ты усни, мое дитятко,
Ты усни, мое счастьице,
А то Дѣва Скорбящая
Съ неба видитъ тебя.

8.

Ребенку мать „Усни“ твердить,
Ребенокъ на нее глядить,
Въ одномъ его глазкѣ: „Кись! кись!“
Въ другомъ его глазенкѣ: „Брысь!“

9.

Спи, дитятко, ну, задремли же,
А то къ намъ придетъ домовой,
Тѣхъ дѣтокъ, что спятъ неохотно,
Къ себѣ онъ уносить домой.

10.

Больненьkimъ видѣть тебя
Сердце мое разрываетъ,
Плачу, когда я пою,
Голосъ въ груди погасаетъ.

11.

Я тебя ласкаю,
На руки беру.
Что съ тобою будетъ,
Если я умру?

12.

— Баю-бай, мое дитятко,

Баю-бай, засыпай.

— Въ колыбелькѣ, родимая,

Ты меня укачай.

13.

— Баю-бай, баю-баю,

Баю-бай тебѣ пою.

— Колыбель, родная, рай,

Колыбель мою качай.

14.

Не бойся, малютка,

Спи, дѣтка моя,

Пусть воютъ собаки,

Пусть вѣтры свистятъ.

15.

Спи, дитя ненаглядное,

Жизнь моя, засыпай,

У твоей колыбелечки!

Мать родная не спить.

16.

Все, что малюсенько,

Очень мнѣ нравится,

Даже гримасочки,

Если въ полчетверти.

17.

Сердчишко мое,

Не плачь и не бейся,

Я съ вѣстью любви,—

Засмѣйся, засмѣйся.

18.

Усни, дитя, усни, дитя,
А то придетъ цыганка,
И глянетъ къ намъ, и спросить тамъ:
Кто плачетъ спозаранка?

19.

Спи, дитятко родное,
Спи, дѣточка. Уснула
Съ открытыми глазами,
Какъ боязливый зайчикъ.

20.

Не выходи ты замужъ,
Останься вѣчно дѣткой,
А то на щечкахъ розы
Отъ поцѣлуевъ вянуть.

21.

Спи, малютка, задремли же,
И не плачь здѣсь въ долгую ночь,
А не то всѣ ангелочки
Удалятся прочь.

22.

Усни, мое дитятко, спи же,
Не плачь и усни же, я тутъ,
А то къ намъ придутъ ангелочки
И въ небо тебя унесутъ.

23.

— Мой мальчикъ, мой милый,
Ты умеръ, замкнулся.
— Не плачь, моя матушка,
Смотри, я проснулся.

24.

Не плачь, моя дѣтка,
Что вянуть цвѣточки,
Есть новая вѣтка,
И снова цвѣточки.

25.

Баю-баюшки-баю,
Потеряла жизнь мою.
Баю-баю-баю-бай,
Снова въ жизни свѣтитъ рай.

26.

Эа-ля-эа,
Эа-ля-эа!
Въ сонъ твой да смотрится
Святой Иоаннъ.

27.

Мое дитя ко сну отходитъ,
Да спить и радуетъ меня,
Какъ у святого Иоанна
Пусть длится сонъ его три дня.

28.

Эа-ля-нана,
Эа-ля-нана!
Звѣздочка утра,
Спи, еще рано.

29.

Эа-ля-ро-ро,
Эа-ля-ро-ро!
Спи. Просыпаться намъ
Еще не скоро.

30.

Нѣтъ у этого малютки,
Нѣту матери родимой,
Родила его цыганка
И подкинула его.

31.

Спи, мое дитятко, спи,
Нѣтъ твоей матери дома.
Пречистая Дѣва Марія
Взяла ее въ домъ свой служить.

32.

Спи, моя дѣточка,
Ты, незамѣтная,
Спи, моя звѣздочка,
Спи, предразсвѣтная.

Изъяснительные замѣчанія. Признанія.

Къ пѣснѣ 2-й.—Образъ глазъ-солнцъ часто повторяется какъ въ Испанской поэзіи, такъ и въ Индійской, съ которою поэзія Испанская является часто по-разительное сходство, — надо думать, въ виду повышенной страстности того и другого народа.

Къ пѣснѣ 8-й.—Въ Испаніи доселѣ не рѣдкость пѣніе пѣсенъ подъ балкономъ, съ аккомпаниментомъ гитары. Пѣсни при этомъ и припоминаются и, вызываемыя тѣми или иными обстоятельствами, рождаются новыя, внезапно.

Къ пѣснѣ 9-й.—Сѣверянину нѣсколько странно слышать, какъ мужчина говорить, что его болѣе не веселятъ ни розы, ни жасмины. Для этого нужно любить цветы такъ, какъ ихъ любятъ въ Испаніи или Мексикѣ. Въ Испаніи вы постоянно можете видѣть, какъ возчикъ, лежащий на телѣгѣ, нагруженной чѣмъ-нибудь совсѣмъ не стихотворнымъ, мурлычетъ пѣсню, а во рту его стебель цветка, красная головка которого нарядно покачивается.

Къ пѣснѣ 11-й.—Шутливая форма многихъ Испанскихъ пѣсенъ, указывающая на южную грацію и тонкость ощущенія, совсѣмъ не указываетъ на шуточность чувствъ. Въ Испанскомъ нравѣ много тигринаго, кошачьяго. И Испанцы любятъ играть мягкими лапками, въ которыхъ спрятаны когти. Любятъ танцевать — вокругъ костра и надъ срывомъ.

Къ пѣснѣ 13-й.—Это напоминаетъ извѣстную пѣсенку Гейнриха Гейне, въ „Buch der Lieder“. Позія Гейне, вообще очень близкая къ народной поэзіи, особенно родственна съ Испанскими народными пѣснями.

Къ пѣснѣ 14-й.—Эта пѣсенка, сколько могъ замѣтить, особенно знаменита среди Испанцевъ. Имъ молчать, когда они любятъ, труднѣе, чѣмъ Норвежцу или Англичанину.

Къ пѣснѣ 26-й.—Въ своей поэмѣ „Эпипсихидонъ“ Шелли, обращаясь къ Эмиліи Вивіани, говоритъ (Шелли, т. 3-й):

О, если бы мы были близнецами!

И далѣе:

...Хочу тобой дышать.

Ты слишкомъ поздно стала мной любима,
Я слишкомъ скоро началъ обожать
Тебя, мой кормчій, призракъ серафима...
Тебя я долженъ былъ бы на землѣ
Сопровождать отъ самаго рожденья,
Какъ тѣнь дрожать, склоняясь и любя,
Горѣть тобой и жить какъ отраженье.
Не какъ теперь:—О, я люблю тебя!

Къ пѣснѣ 27-й.—Воспоминаніе о встрѣчѣ душъ, бывшей до встрѣчи тѣлъ, до встрѣчи двухъ душъ, вотъ въ этихъ двухъ тѣлахъ, состояніе хорошо извѣстное каждому, кто воистину любилъ.

Къ пѣснѣ 28-й.—Вѣчная легенда Эроса и Психеи.

Къ пѣснѣ 33-й.—Есть такая разнотѣвность:

Говорять, что черное есть трауръ,
Говорять, что алое—веселье,
Нарядись въ зеленое, малютка,
Будешь ты надеждою моей.

Въ „Romancero General“—нѣчто въ родѣ нашихъ историческихъ былинъ—читаемъ, между прочимъ, описание ревнующаго кабальеро (2-а ed. I, п. 46, 49).

Шесть его сопровождаютъ
Слугъ, что служатъ господину,
Всѣ въ зеленое одѣты:
Цвѣтъ надежды при любви.
На копье, съ желѣзкой рядомъ,
Голубую мчитъ онъ ленту:
Это—ревность, тѣхъ, кто любитъ,
Заставляетъ прегрѣшать.

Испанскій народъ сохраняетъ въ пѣсняхъ эту символику. Примѣръ тому—слѣдующія *coplas*.

Ужь давно, какъ зеленое
Мнѣ даетъ беспокойство,
Ибо всѣ мои чаянья
Обернулись въ лазурныя.

Говорятъ, что меня ты не любишь,
Мнѣ мало до этого дѣла,
Одѣваюсь завтра я въ трауръ
Изъ бѣлой тафты.

Сколь многіе съ надеждой
Превесело живутъ!
Ословъ на свѣтѣ сколько
Зеленое Ѣдятъ!

Знаменитый Гонгора, Испанскій утонченникъ старинныхъ временъ, писавшій за 300 лѣтъ до нынѣшнихъ „декадентовъ“, также любилъ символику красокъ.

Цвѣточки розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня голубые,
А завтра будутъ медъ.
Ревнуешь ты, малютка...

У разныхъ народовъ символика красокъ разная. Въ то время, какъ Испанцы связываютъ ревность съ голубымъ цвѣтомъ, Отелло погибаетъ мучимый зелено-глазымъ чудовищемъ ревности. Бретонцы полагаютъ, что голубой цвѣтъ неба есть цвѣтъ времени. Древніе Майи считали голубой цвѣтъ символомъ святости и цѣломудрія, а отсюда—счастія, какъ освобожденія отъ путъ вещества. Въ Египтѣ и въ Индіи голубой—это цвѣтъ боговъ. Вишну на своемъ семиглавомъ змѣѣ—голубой. Въ Египтѣ, въ Майѣ и въ Халдеѣ голубой цвѣтъ связывался со смертью и употреблялся при похоронахъ, какъ это доселѣ въ Бухарѣ. Желтый—въ Китаѣ и въ Майѣ—принадлежность царской фамиліи, красный—благородныхъ. Великій Египетскій сфинксъ былъ окрашенъ въ красный цвѣтъ. Римскіе солдаты выкрашивали свое тѣло въ красное—въ знакъ побѣдительной храбрости. У многихъ народовъ красный есть цвѣтъ жизни и страсти.

Символика и тайный смыслъ цвѣтовъ очень интересная и мало разработанная область. Вліяніе каждого отдельного цвѣта на возникновеніе отдельныхъ, совершенно определенныхъ, душевныхъ состояній есть фактъ несомнѣнныій. Но психологія красокъ различествуетъ весьма, когда мы имѣемъ дѣло съ особо впечатлительными художественными натурами. Я лично могу сказать про себя, что ярко-красный цвѣтъ и золотисто-желтый вызываютъ во мнѣ лиющую радость жизни, при чёмъ алый цвѣтъ тревожить, а золотистый умиротворять въ волненіи. Зеленый цвѣтъ доставляетъ тихую радость, счастіе длительное. Голубой—вызываетъ уходящую мечтательность. Темно-синій подавляетъ. Лиловый производитъ гнетущее впечатлѣніе, и даже свѣтло-лиловый—связанъ съ чѣмъ-то зловѣщимъ. Бѣлый и черный цвѣтъ, отрицаемые, какъ таковые, но признаваемые глазомъ, при

всемъ своеи различіи производятъ однородное впечатлѣніе—изысканной красоты, благородства и стройности. Я сказалъ бы, что черный и бѣлый цвѣты, два эти предѣльные цвѣта, по ихъ дѣйствію на меня, такъ же похожи и такъ же различны, какъ черный лебедь и бѣлый лебедь. Ихъ одежда различна, а душа одна.

Въ своей поэмѣ „Фата-Моргана“ („Литургія Красоты“) я попытался свести въ художественное цѣлое свои ощущенія отъ различныхъ красокъ. Дальнѣйшую попытку въ этомъ направлениі, очень интересную, сдѣлалъ, въ будущемъ весьма крупный, но и теперь уже несомнѣнnyй, поэтъ, Сергѣй Городецкій, въ поэмѣ „Радуга“ („Дикая Воля“).

Настанетъ время—и оно не такъ далеко—когда жизнь наша, въ большихъ, въ великихъ городахъ, такъ же, какъ среди природы, построенная на принципѣ художественной гармоніи, каждому цвѣту дастъ опредѣленное мѣсто и точно выработанныя соотношенія, и мы будемъ играть красками съ той же увѣренностью и съ тѣми же великими послѣдствіями, какъ теперь мы играемъ электричествомъ и паромъ.

Къ пьесѣ 34-й.—Есть разнопѣвность:

Протянись ко мнѣ, голубка,
Да войду въ твое гнѣздо.
Ты одна, мнѣ рассказали,
Я хочу съ тобой побывать.

Этотъ мотивъ повторяется различно.

— Птичка неба, разскажи мнѣ,
Гдѣ твое гнѣздо?
— А оно въ соснѣ зеленої,
Скрыто межъ вѣтвей.

Подобная же Португальская пѣсня звучить съ угро-
жающей ироніей (Theophilo Braga, *Cancioneiro e roman-*
ceiro geral portuguez, Porto, 1867, II, 75, 1):

Помираешь, чтобъ развѣдать,
Гдѣ постель моя. Но, слушай,
На прибрежьи, надъ рѣкою,
Тамъ, гдѣ шпажная трава.

Къ пѣснѣ 35-й.—Разнопѣвность:

Видитъ Богъ, что тебѣ бы я отдалъ,
За смуглый твой цвѣтъ золотистый,
Глаза мои, ясныя очи,
Хотя бы остался слѣпымъ.

*Къ пѣснѣ 36-й.—Тотъ же мотивъ въ Итальянской пѣснѣ
(Тосканы) (Giuseppe Tigrì, *Canti popolari toscani*, Fi-
renze, 1869, п. 337).*

Въ двоихъ я, въ двухъ юношѣй я влюблена,
Къ кому прилѣпиться, никакъ не пойму я:

Поменьше—красивый, въ немъ чара нѣжна,
Того, кто побольше, терять не хочу я.

Тому, что поменьше, я жизнь отдала,
Тому, что поболѣе, пальму въ расцвѣтѣ.

Къ тому, что поменьше, душа вся ушла,
Къ тому, что поболѣе, пальма вся въ цвѣтѣ.

Тому, что поменьше, все сердце, весь свѣтъ,
Тому, кто побольше, фіалокъ букетъ.

Къ пѣснѣ 37-й.—Разнопѣвность.

Полно, купидончикъ,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Знала я любовь.

Полно, купидончикъ,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Вѣрио, полюблю.

Къ пѣснѣ 39-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 112, 1):

Лиши одно твое словечко
Есть судьбы моей рѣшенье:
Скажешь: да, даешь мнѣ жизнь,
Скажешь: нѣть, и смерть мнѣ въ этомъ.

Къ пѣснѣ 41-й.—Разнопѣвность:

Я зовусь—коль есть здѣсь мѣсто,
Родственникъ—когда есть случай,
Братъ двоюродный—коль можеишъ,
Ждущій да или же нѣтъ.

Къ пѣснѣ 42-й.—Разнопѣвность:

Луна, чтобы выйти на волю,
Позволенія проситъ у неба,
И я, чтобы съ тобой говорить,
Прошу позволенія смиренno.

Къ пѣснѣ 43-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 116, 5):

Вотъ возьми, предъ тобой мое сердце,
Если хочешь убить его, можешь,
Но замѣть, что внутри—это ты здѣсь,
Коль убьешь его, также умрешь.

Къ пѣснѣ 44-й.—Разнопѣвность:

У ногъ твоихъ сердце мое,
Возьми, чтобы возсталъ я, взнесенный!
Взгляни, не люблю ли тебя,
У ногъ я твоихъ, побѣжденный!

Къ пѣснѣ 45-й.—Разнопѣвность:

Вырву камни въ улицѣ твоей,
Всю ее сплошнымъ пескомъ покрою,
Чтобы всѣ я видѣть могъ слѣды,
Тѣхъ, кто ходитъ подъ твою рѣшетку.

*Къ пѣснѣ 46-й.—Итальянская пѣсня (Сицилія) (Giuseppe Pitré, *Canti popolari siciliani*, Palermo, 189, I, п. 136):*

Или да мнѣ скажи,
Или нѣтъ мнѣ скажи,
Не могу же я быть
На поляхъ безъ межи.

Требуя опредѣленнаго отвѣта, влюбленный, взамѣнъ, можетъ предложить нѣчто опредѣленное — и онъ не скупится. Какъ восклицаетъ Испанскій поэтъ Беккеръ:

За взглядъ одинъ я міръ бы отдалъ,
За лучъ улыбки все бы небо,
За поцѣлуй... О, я не знаю,
Что далъ бы я за поцѣлуй!

Португальская же пѣсня говоритъ (Braga, II, 83, 7):

За одинъ твой нѣжный взглядъ
Далъ бы жизни половину,
За улыбку далъ бы жизнь,
За поцѣлуй я далъ бы вѣчность.

Къ пѣснѣ 47-й.—Разнопѣвность:

Хоть бы стала ты змѣю
И скользнула въ бездны моря,
За тобой я, за тобою,
Что замыслилъ, то свершу.

Къ пѣснѣ 48-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 71, 2):

Я влюбленный, влюбленная ты,
Кто изъ насть будеть болѣе твердый?
Я какъ солнце гонюсь за тобой,
Ты какъ тѣнь отъ меня убѣгаешь.

Къ пѣснѣ 50-й.—Всѣ, конечно, помнятъ Латинскій стихъ:

Gutta cavat lapidem, non vi, sed saepe cadendo.
Капля камень долбитъ, не силой, но частымъ паденьемъ.

Есть Португальская пѣсня (Braga, II, 17, 7):

Нѣтъ, нѣтъ, говоришь ты, не будеть,
Любить никогда я не стану.
Вода упадаетъ на камень
Такъ долго, что камень смягчитъ.

Къ пѣснѣ 51-й.—Всечеловѣческое или, вѣрнѣе, всемужчинское заблужденіе, что женщина и непостоянство суть одно. Мужчины много болѣе заслуживаютъ рекриминацій. — Въ старинныхъ *romances* мысль о невѣрности женщины часто повторяется (Duran, Romancero general, I, п. 22, 50):

Отлучка моя будетъ краткой,
Да не будетъ такой твоя твердость:
Постарайся, хоть женщина ты,
Быть на всѣхъ другихъ непохожей.

Слову женщины не вѣрить,
Слово женское—пушинка,
Въ быстромъ вѣтрѣ пухъ летящій
Или надпись на водѣ.

Другие *romances* болѣе вѣжливы (ib., 25):

Справедливо ты промолвилъ—
Низки женщины. Однако
И весьма онъ различны,
Какъ солдаты подъ ружьемъ.

И еще:

Всѣ дурныя—невозможность,
Всѣ хорошия—нельзя.
Травы есть, что жизнь даруютъ,
Травы есть, въ которыхъ смерть.

Къ пѣснѣ 54-й.—Разногѣвность:

Чтобы тебя я полюбила,
Должна семь разъ я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю я,
Люблю любить, тебя любить.

Ненависть и презрѣніе.

Къ пѣснѣ 5-й.—Испанки очень любятъ ходить къ обѣднѣ.

Такъ что уйти изъ церкви, когда тамъ можно было бы еще быть, для Испанки дѣйствительное лишеніе.

Къ пѣснѣ 8-й.—Португальская пѣсня (Braga, II, 93, 7):

Обманщикъ, да позволить Небо,
Чтобъ заплатилъ ты за обманъ,
И чтобъ тебѣ, когда полюбишь,
Любовь была бы не вѣрна.

И еще:

Неблагодарный, да свершится,
Что ты за это зло заплатишь,
Чтобъ тотъ, кому ты очень вѣренъ,
Тебѣ бы очень измѣнилъ.

Къ пѣснѣ 9-й.—Во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ выражается ненависть и презрѣніе возненавидѣвшей женщины, гораздо болѣе тонкости, остроумія, находчивости и настоящей змѣиной злости, нежели въ словахъ мужчины, которые почти всегда элементарны и, во всякомъ случаѣ, являются мало изобрѣтательности. Можно подумать, что, побывъ вмѣстѣ съ мужчиной, женщина не только научается мужскимъ, по-мужски твердымъ, мысламъ, но и вовсе похищаетъ его мужской умъ, и, отточивъ свою нѣжность, превращаетъ ее въ острѣе ненависти.

Къ пѣснѣ 51-й.—Разнопѣвность:

То и дѣло все твердишь мнѣ—
Умираю, умираю.
А умри, тогда увидимъ,
И тогда скажу я: да.

Къ пѣснѣ 66-й.—Разнопѣвность:

Ахъ, Марія, не по вкусу
Ни одинъ тебѣ мужчина!
Короля, быть-можеть, хочешь?
Ихъ въ колодѣ картъ четыре.

Франсиско Родригесъ Маринъ, которому нельзя не вѣритъ, говоритъ объ Испанскихъ пѣсняхъ ненависти и презрѣнія (*Cantos Populares Espanoles*, т. III, р. 283),

что значительное число пѣсенъ, выражающихъ ненависть, суть порождения расы Гитанъ, особливо тѣ, въ которыхъ изображается душа низкая и мысль трусливая и предательская. Онъ обращаетъ внимание на то, что число *coplas de odio* (пѣсень ненависти) незначительно въ сравненіи съ пѣснями, посвященными другимъ чувствамъ. Объясненіе этому дается одной народной Испанской пѣсней:

Кто воистину любить, забываетъ тотъ поздно,
И хотя бы забылъ, не начнетъ ненавидѣть;
И увидѣвши то, что любилъ онъ любовью,
Снова любить, едва лишь къ нему обратится.

Колыбельные пѣсни.

Ни у одного Европейскаго народа нѣтъ такихъ изящныхъ и нѣжныхъ, тонко-воздушныхъ колыбельныхъ пѣсенокъ, какъ у Испанцевъ. Странно думать, что именно въ Испанскомъ национальномъ темпераментѣ, — въ его историческомъ прошломъ, — такъ много жестокаго и темнаго. Какъ истинно-страстные люди, Испанцы во всемъ доходятъ до крайности и предѣльности, и если чрезвычайно жестоки ихъ завоевательные набѣги, исключительно-нѣжны кроткія состоянія Испанской души. Нужно еще замѣтить, что ни одинъ, кажется, народъ въ Европѣ не испытываетъ такой нѣжной любви къ дѣтямъ, какъ именно Испанцы. Ни въ одной странѣ, во время многочисленныхъ моихъ путешествий, я не видалъ, чтобы взрослые, не только жѣнщины, но и мужчины, выказывали такую заботливость и ласковость къ дѣтямъ. Грубой же сцены съ дѣтьми я не видѣлъ въ Испаніи ни разу,

хотя изъѣзилъ Испанію изъ конца въ конецъ и бы-
валъ въ ней многократно.

Припѣвы „Эа-ля-эа“, „Эа-ля-ро-ро“, „Эа-ля-нана“
играютъ въ Испанской колыбельной напѣвности ту
же роль, какъ у насъ припѣвъ „Баюшки-баю“, „Баю-
бай“, „Баю-баю“.

Пѣсенки 26-я и 27-я нуждаются въ поясненіи.
Испанское преданіе гласитъ, что святой Іоаннъ Кре-
ститель весьма любить небесные шумы. День его,
24 іюня, праздновался шумными торжествами, на это
указываютъ громовые раскаты, обычно совпадающіе съ
даннымъ временемъ. Во избѣженіе подобной сумя-
тицы, Господь заставляетъ его спать три дня безъ
перерыва, считая съ кануна Иванова дня. И святой
не можетъ такимъ образомъ праздновать свой день,
ибо, когда просыпается, онъ уже прошелъ. Въ области
Бадахоса есть соотвѣтствующая поговорка:

Когда бы святой Іоаннъ
Праздникъ свой зналъ,
Тогда бы, въ весельи, святой Іоаннъ
По всѣмъ небесамъ громыхалъ.

Или еще:

Тогда бы онъ небо съ землей
Сочеталъ въ напѣвъ громовой.

Въ нѣкоторыхъ Андалузскихъ селеніяхъ его назы-
ваютъ беспокойнымъ.

Івановъ день и Иванова ночь во всѣхъ Европей-
скихъ странахъ связаны съ цѣлымъ рядомъ примѣтъ
и обычаевъ. Русские говорятъ, что на Ивановъ день
солнце на всходѣ играетъ. Сербы говорятъ: на Ива-
новъ день солнце на небѣ трижды останавливается.
См. интересную книгу — *А. Ермоловъ. Народная сельско-
хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и при-*

мътакъ. Т. I. Всенародный Мъсяцесловъ. С.-Петербургъ.
1901 года.

Въ пятомъ томѣ своего собранія Испанскіхъ Народныхъ Пѣсень Маринъ приводитъ, въ примѣчаніяхъ, интересную літургическую драму, столь же нѣжную, сколь краткую.

Мавританскій царь и Христіанка.

1.

(У Мавританскаго царя была пѣниница, которая пыла, покуда спалъ ея ребенокъ):

1-й голосъ. Когда дѣткой была я,
Въ лугахъ я гуляла,
За мотыльками
По лугамъ убѣгала.
Когда дѣткой была я,
Въ лугахъ я блуждала,
За мотыльками,
Какъ они, я летала.
Въ лугъ я ушла,
По травѣ я пошла,
Розы тамъ съя.
Шипы собрала.
Эа! эа! эа!
Не такъ ужь дурна я лицомъ.
А если дурна я, скажу, не робѣя:
Такъ да будетъ, и дѣло съ концомъ.
Эа! пою я, усталая.
Если дурна я, какое же дѣло вамъ въ томъ?
Сонъ тебя, дѣточка, сонъ подкрѣпи.
Спи, мое дитятко малое,
Спи.

(Царь, который слушалъ, отвѣтчаетъ):

2-й голосъ. Люблю тебя, дѣтка моя,
Люблю тебя, спи.
Больше люблю, чѣмъ цвѣточки, что вѣтеръ
Колыбелитъ весной на степи.
Больше, чѣмъ звоны ручья,
Что поеть: „Торопи же себя, торопи“.
Я люблю тебя, дѣтка моя,
Спи.
И меня полюби.
Какъ цвѣточки, тебя я люблю,
Прошепчи мнѣ сквозь сонъ: „Вотъ я сплю“.
Сонъ тебя, сонъ подкрѣпи,
Дѣточка, спи.
Какъ ручей, тебя я люблю.

1-й голосъ. Я назареянка,
Была назареянка.
Разъ назареянка,
Не для тебя я.
У Дѣвы Пречистой,
У Дѣвы Лучистой
Такъ дремало Дитя засыпая.
И Дѣва, вздыхая,
И Дѣва Святая,
Дремала она, засыпая.
На горѣ на Голгоѳской
Были вѣтви оливы.
Были птички среди вѣтвей.
Кровь Христа утишали,
И въ вѣтвяхъ распѣвали
Четыре щегленка и одинъ соловей.

2.

1-й голосъ. Ты бѣлая голубка,
Ты бѣлая какъ снѣгъ,
Сядь у рѣки и испей.

2-й голосъ. У меня сизыя крылья,
Крылья какъ ирисы,
Темныя въ лазурности своей.

1-й голосъ. Бѣлая голубка,
Иди со мной.
Крыло у тебя ранено
Острою стрѣлой.
Бѣлая голубка,
Иди со мной.

2-й голосъ. Не крыло мое ранено,
А душа пронзена,
Оттого эта алая
Кровь здѣсь видна.

1-й голосъ. У тебя сизыя крылья,
Крылья какъ ирисы,
Бѣлая голубка,
Иди со мной.

2-й голосъ. Я одна-одинешенька,
Я одна здѣсь пою,
Безъ дружка, безъ любови я,
И въ чужомъ я kraю.
Я одна-одинешенька,
Я одна здѣсь пою.

1-й голосъ. Замолчи, о, голубка,
Я плачу съ тобой.
Ты ранишь мнѣ сердце
Свою мольбой.

Я дамъ тебъ крылья,
Чтобъ ты легкой была,
Чтобъ на вольную волю
Улетѣть ты могла.

„Испанскія Колыбельныя Пѣсни“, „Nanas ó coplas de cuela“, родственны по тону съ „Дѣтскими Пѣсенками“, „Rimas Infantiles“. Эти дѣтскія пѣсеньки связаны съ различными дѣтскими играми, подобными нашимъ играмъ въ прятки, въ жгутъ, въ четъ и нечетъ, въ горѣлки. Привожу нѣкоторыя.

1.

Кто даетъ, кто даетъ,
Прямо въ рай пойдетъ.
Кто даетъ и вновь отниметъ,
Адъ его охотно приметъ.

2.

Поцѣлуйчикъ, разъ.
Поцѣлуйчикъ, два.
Поцѣлуйчикъ, три.
Поцѣлуйчикъ, гдѣ?

3.

Мотылекъ, мотылекъ,
Словно розовый цвѣтокъ,
Ты на свѣчкѣ и готовъ.
Сколько стало мотыльковъ?

4.

Бабочка крылатая,
Быстро-тароватая,
На свѣчку попала.
Сколько бабочекъ стало?

5.

- Мотылекъ, мотылекъ,
Роза съ головы до ногъ,
Былъ крылатъ, и былъ ты смѣлъ,
Вотъ на свѣчку налетѣлъ.
— Мотылекъ здѣсь? — Я здѣсь.
— Ишь ты, какъ наряденъ весь.
— Рубашонокъ сшилъ? — А вотъ.
— Ну, теперь начнемъ мы счетъ.
Сколько сшилъ? — Всего одну.
— Это значитъ на луну.
— Цѣлыхъ двѣ. — Для солнца. — Три.
— Ну, сочи ихъ — и бери.

6.

- Сестрица лягушка!
— Что надо, подружка?
— Гдѣ мужъ твой изъ водъ?
— Явился и ждетъ.
— Наряденъ ли онъ?
— Какъ свѣжій лимонъ.
— Къ обѣднѣ пойдемъ?
— Не знаю я, въ чёмъ.
— Пойдемъ подъ конецъ.
— Замкнулся ларецъ.
— Такъ пить! Гдѣ вода?
— Жбанъ скрылся. Бѣда!

7.

Золото.
Сѣребро.
Мѣдь.
Ничего.

Изъ колыбельныхъ пѣсенъ другихъ Европейскихъ народовъ особенною нѣжностью отличаются Финскія колыбельные пѣсни (одну изъ нихъ читатель найдетъ въ моей „Литургіи Красоты“) и Польскія „Колысанки“. Привожу нѣсколько польскихъ баюканій („Pieśni Ludu“ Zehral Zygmunt Gloger. W latach. 1861 — 1891. W Krakowie. 1892).

1.

Люляй, ой люляй,
Спрячь черныя очи,
А очи закроешь,
Спи до полночи.

2.

Колыбелька, качайся
Отъ стѣны до стѣны.
Спи, мой розовый цвѣтикъ,
Спи, такъ розовы сны.

3.

Не пой, пѣтушокъ, ты не пой,
Марыю мою не буди,
Малая ночка была,
Мало Марыся спала.

4.

Скотинка, далечко
Не отходи,
Вѣдь я не пастушка,
Я малая дѣтка.

Въ народныхъ колыбельныхъ пѣсняхъ особенно трогательна та, повторяющаяся у разныхъ народовъ, черта, что, напѣвая убаюкивающую пѣсенку ребенку,

взрослый поющий превращается самъ въ дитя. И кажется, что это гдѣ-то въ міровомъ пространствѣ затерянная душа, одна-одинокая, беспомощная, беззащитная, обращающаяся съ полусонной мольбой къ Невѣдомой Силѣ. И словно слышенъ полувиштный стонъ: „А слышать ли меня?“ Какъ колыбель похожа на гробъ, такъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ есть всегда запредельная смертная грусть. Да вѣдь и сонъ похожъ на смерть, и что же есть смерть какъ не сонъ, черезъ который мы пробуждаемся въ настоящую дѣйствительность?

Изъ всѣхъ колыбельныхъ пѣсенъ, которыя, на какомъ-либо языкѣ, мнѣ приходилось читать или слышать, мнѣ кажутся наиболѣе совершенными и безсмертными по своей озаренности двѣ—одна Испанская и одна Русская.

Онѣ обѣ красиы, какъ цвѣтокъ, обрызганный росой. Испанская:

Спи, мое дитятко, спи,
Нѣтъ твоей матери дома,
Пречистая Дѣва Марія
Взяла ее въ домъ свой служить.

И Русская „Богъ тебя далъ, Христосъ даровалъ“. Воспроизвожу ее изъ книги П. В. Шеина, *Великоруссы въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ*. Спб. 1898.

Богъ тебя далъ,
Христосъ даровалъ,
Пресвятая Похвала
Въ окошечко подала,
Въ окошечко подала,
Иваномъ назвала:
Нате-тко,
Да примите-тко.

Ужь вы, нянюшки,
Ужь вы, мамушки,
Водитесь,
Не лѣнитесь.
Старья старушки,
Укачивайте.
Красныя дѣвицы,
Убаюкивайте.
Спи-се съ Богомъ,
Со Христомъ.
Спи со Христомъ,
Со ангеломъ.
Спи, дитя, до утра,
До солнышка.
Будетъ пора,
Мы разбудимъ тебя.
Сонъ ходить по лавкѣ,
Дремота по избѣ.
Сонъ-то говоритъ:
„Я спать хочу“.
Дремота говоритъ:
„Я дремати хочу“.
По полу, по лавочкамъ
Похаживаютъ,
Ванюшкѣ въ зыбочку
Заглядываютъ,
Заглядываютъ —
Спать укладываютъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Испанецъ—пѣсня.	3
Влюблennость.	19
Нѣжности.	30
Ревность.	35
Признанія.	41
Сѣтования.	53
Ненависть и презрѣніе.	60
Серенада.	73
Колыбельныя пѣсни.	81
Изъяснительныя замѣчанія.	87

8m. H

455

Чъна 40 коп.

L.S.C
B19451sp

570386

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich (ed. and tr.)
Монахова напоюша гію.

Transliterated: Ispanskiy narodnuya pyesni.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

